

HISTORY OF MEDICINE

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

УДК 347.63/.133+37.014.52+94+348.58+314.148/.42+930.272+292.11/.21

ВЗГЛЯДЫ НА РЕБЕНКА, ЕГО ПРАВА И ЗАЩИТУ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ И В ВИЗАНТИИ¹

© Галина Львовна Микиртичан, Ольга Александровна Джарман

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет. 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Контактная информация: Галина Львовна Микиртичан — д.м.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики. E-mail: glm306@yandex.ru

Поступила: 09.02.2021

Одобрена: 18.03.2021

Принята к печати: 25.03.2021

РЕЗЮМЕ: Статья продолжает исследование различных форм насилия и жестокого обращения с ребенком в истории, в данном случае в культурах античности — Древней Греции, Древнем Риме, а также в Византии — христианизированном продолжении Римской империи. Положение детей в этих обществах и отношение к ним, включая заботу и пренебрежение их нуждами, можно представить по разнообразным источникам — произведениям искусства и архитектуры, артефактам, погребальным посвящениям, литературным и юридическим памятникам, агнографическим и этнографическим материалам и др. Однако текстовые источники, в которых упоминаются дети, относительно редки, часто противоречивы, и в своем большинстве дают представление о жизни детей из высших слоев общества. Отношение к детям и системы их воспитания в Древней Греции — Афинах и Спарте, Древнем Риме и Византии значительно различались, что определялось социокультурными, экономическими и религиозными факторами, в том числе традициями и ритуалами, связанными с определенными периодами жизни людей. Исследования, проведенные в последние годы и основанные на выявлении новых фактов, ведут к пересмотру отношения к детям, особенно в Древнем Риме, дают представление о нем как более эмоциональном и заботливом. Однако насилие и жестокое обращение с детьми в греко-римском мире существовало, дети были беззащитны и бесправны, вся власть сосредотачивалась в руках отца. Прослежены такие формы насилия, как оставление новорожденного ребенка на произвол судьбы (часто приводящее к смерти или к воспитанию как рабов, спрос на которых был очень высок); физические наказания; сексуальное насилие; тяжелый труд; насилие, связанное с военными конфликтами; пренебрежение нуждами ребенка и др. Государственный характер христианства в Византии изменил взгляды на воспитание и образование детей: оставление детей было приравнено к убийству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жестокое обращение; положение детей; отношение к детству; оставление на произвол судьбы; Древняя Греция; Древний Рим; Византия.

¹ Данная статья продолжает исследование отношения к ребенку в разные эпохи и проявления жестокости к детям. См. статью Микиртичан Г.Л., Джарман О.А. Взгляды на ребенка, его права и защиту от жестокого обращения в древнем мире. Медицина и организация здравоохранения. 2020; 5(3): 40–56.

VIEWS ON THE CHILDREN, THEIR RIGHTS AND PROTECTION FROM ABUSE IN GRECO-ROMAN ANTIQUITY AND IN BYZANTIUM²

© Galina L. Mikirtichan, Olga A. Jarman

Saint-Petersburg State Pediatric Medical University. 194100, Saint-Petersburg, Litovskaya str., 2

Contact information: Galina L. Mikirtichan — MD, PhD, Professor, Head of the Department of Humanities and Bioethics.
E-mail: glm306@yandex.ru

Received: 09.02.2021

Revised: 18.03.2021

Accepted: 25.03.2021

ABSTRACT: The article continues our studies of various forms of violence and child abuse in history, in this case in the cultures of ancient Greece and Rome, and in the Byzantium, as an Christian extension of the Roman Empire. The status and treatment of children in these societies, including care and neglect of their needs, can be presented from a variety of sources — works of art and architecture, artifacts, funeral rites, legal monuments, literature, hagiographic and ethnographic materials, etc. However, text sources that refer to children are relatively rare, often contradictory, and mostly provide a picture of the lives of children from the upper strata of society. The attitudes and systems of their upbringing in ancient Greece — Athens and Sparta, Ancient Rome and Byzantium — differed considerably, depending on sociocultural, economic and religious factors, including traditions and rituals, related to certain periods of human life. Research carried out in recent years, based on the discovery of new facts, has led to a re-examination of attitudes towards children, especially in ancient Rome, which are perceived as more emotional and caring. However, violence and abuse of children in the Greco-Roman world existed, children were defenseless and powerless, all power was concentrated in the father's hands. Forms of violence have been identified such as abandonment of a newborn child, often leading to death or to education as slaves as for those there was a high demand; physical punishment; sexual violence; heavy labour; violence associated with armed conflict; neglect of the needs of the child, etc. The statehood of Christianity in the Byzantium changed the views on the upbringing and education of children, abandonment of children was equated with murder.

KEY WORDS: child abuse; status of minors; abandonment; perception of childhood; Ancient Greece; Ancient Rome; Byzantium.

В ряду средиземноморских античных государств именно Древняя Греция и Древний Рим оказали наибольшее влияние на развитие европейской и мировой культуры, оставили богатое историческое наследие, в том числе в области нравственно-этических категорий, гражданско-правовых норм, научного знания, философских систем, канонов художественного творчества. Положение детей в обществе и отношение к ним в период греческой и римской античности отражено в разнообразных источниках: произведениях искусства и архитектуры, археологических артефактах, юридических и медицинских текстах, художественной литературе, частной переписке, погребальных посвящениях. Однако эти данные носят лакунар-

ный характер, что существенно затрудняет исследование. Материальные свидетельства (игрушки, рожки, амулеты) частично заполняют эту лакуну, но интерпретация их сложна (относятся ли они к погребению, к вотивам, к предметам домашней утвари и т.д.). Ограничены и текстуальные свидетельства о раннем возрасте ребенка, так как он находился преимущественно среди женщин, то есть той социальной группы, которая в античности не оставляла прямых письменных свидетельств о себе. Сами тексты, в которых упоминаются дети, относительно редки. Кроме того, они отражают в основном взгляды мужчин, относящихся к элите общества, и дают представление преимущественно о детях элиты. Таким образом, дети

² This article continues the study of attitudes towards the children and child abuse in different periods. Vide in the article: Child in the Ancient world: perspective, rights and protection from abuse. Mikirtichan G.L., Jarman O.A. Medicine and Health Care Organization. 2020; 5 (3): 40–56.

входят в так называемую «молчащую группу», к которой относятся женщины, бедняки, рабы и другие (маргинальные) группы населения [19, 32].

Являясь христианизированным продолжением Римской империи, Византийская империя (330–1453) со столицей в Константинополе сохранила в своей основе греческий язык и античную культуру, римский закон и христианство в качестве государственной религии. Как следствие, античное отношение к детям сочеталось в ней с библейскими, христианскими взглядами [67]. Источники о детях в Византии скудны и рассеяны, в хрониках им уделено мало места, больше информации содержится в агиографических источниках, так как в житиях святых часто рассказывается о детстве будущих подвижников, мальчиков и девочек, относящихся к разным социальным группам, как знати, так и простолюдинам, горожанам и жителям сельской местности. Также источниками информации служат медицинские трактаты, надгробные слова, письма, юридические источники, предметы материальной культуры. Оценивая всю группу источников, многочисленные исследователи отмечают, что между описаниями в источниках и реальной практикой существовала значительная напряженность и, возможно, даже конфликт: реальность могла быть гораздо более или менее суровой и существенно отличаться от дошедших до нас сведений.

В античности рост и развитие ребенка воспринимались не как некий континуум, но как последовательность определенных стадий, отражавшие его интеграцию в общество и часто сопровождавшиеся ритуальными актами, так называемыми обрядами перехода. Учитывая крайне высокую детскую смертность, каждый такой этап был одновременно и новой ступенькой надежды для родителей, и этапом усиления связи между родителями и ребенком. Ребенок в античности воспринимался как существо, связанное с игрой [31]. Это отразилось в том, что однокоренными словами к слову «pais» («ребенок») являются слова «paizoo» («играть»), «paigma» («игра, спорт»), «paignion» («игрушка») [42]. Социальная бесправность ребенка отражалась в переносе именования рабов и слуг любого возраста, даже престарелого, словами, обозначающими детей: «paidion» и «paidarion» [43].

В Греции детьми считались девочки до замужества (12–14 лет), а мальчики — до принятия в демос, общину, территориальный округ, в 17–18 лет [42]. В Риме совершеннолетие в том отношении, что юноша становился полностью

дееспособным, наступало довольно поздно — в 25 лет. Девушки никогда не получали полных юридических прав (за исключением дев-весталок).

Смертность детей была высокой: примерно 25–30% новорожденных умирало в течение 1-го года жизни, около 30% умирало до 10 лет [39]. Таким образом, количество выживших детей было низким, несмотря на большое количество беременностей. В Византии также многие дети не доживали до взрослого возраста. Историк и государственный деятель XV века Георгий Сфрандзи потерял двух своих детей в раннем детстве, а третьего — в возрасте пяти лет. Димитрий Ласкарис Леонтарис, государственный деятель и военачальник XV века имел 12 детей, из которых 6 не дожили до взрослого возраста. Изучение налоговых записей в Македонии XIV века показало, что 50% детей в деревнях умирало к возрасту пяти лет [67].

Как в Греции, так и в Риме важным моментом было принятие ребенка в семью. Рождение наследника было главной целью заключаемого брака, а бесплодие было одной из основных причин развода. Идеальной считалась семья, в которой было один или двое детей, и хотя бы один из них — мальчик. Из-за высокой детской смертности многодетных семей было мало [52]. Роды протекали в присутствии повитухи, без мужчин. В Риме иногда мог присутствовать и врач. Повитуха осматривала ребенка и оценивала его жизнеспособность, также она совершала перерезание пуповины и омовение ребенка, носившие выраженную ритуальную окраску. В случае родов у овдовевшей во время беременности женщины для защиты юридических прав ребенка (чтобы в дальнейшем никто не мог оспорить его права как наследника и не заподозрил подлог ребенка) соблюдался ряд предписаний, отраженных в римском законодательстве. В частности, вдова должна рожать в помещении с только одним выходом, в присутствии женщин, представляющих как родню покойного мужа, так и с ее стороны [62].

Ребенок входил в античную семью не по рождению как таковому, а через определенные ритуалы [42]. В Древней Греции эти ритуалы заключались в двух последовательно проводимых церемониях. На пятый-седьмой день в узком семейном кругу совершался ритуал «амфидромия». Название церемонии означало «обойти или объехать кругом», поэтому предполагается, что отец в обнаженном виде и с ребенком на руках трижды обегал кругом семейный очаг, или ребенка обносила мать, или, возможно, даже повитуха. В этот день родиль-

ницей, повитухами и другими присутствовавшими при родах женщинами совершались очистительные жертвы, в дом друзьями и близкими присылались подарки — «opteria», от слов «быть увиденным» (новорожденный был впервые ими увиден). Двери дома украшались оливковой ветвью (в честь рождения мальчика) или мотком шерсти (в честь рождения девочки). Вероятно, целью амфидромии было поместить ребенка под покровительство Гестии, богини домашнего очага.

В зажиточных семьях имя ребенку нарекали на большом празднике, открытом для всех соседей. Он совершался в десятый день после рождения, «dekate», и сопровождался жертвоприношением, танцами, приготовлением особого пирога. «Декате», очевидно, было более официальной церемонией — отец публично признавал новорожденного как законнорожденного потомка.

Через год или немногим позже отец представлял ребенка ближайшим для своей семьи социальным группам: геносу, дему и фратрии. На них ребенок признавался гражданином, и его статус не мог быть оспорен. Дальнейшие ритуалы (как для мальчиков, так и для девочек) сопровождалось участием в религиозных праздниках, в хорах и танцах, которые вводили детей и подростков во все более расширяющийся круг людей [40]. Реальной целью была защита ребенка, а в случае новорожденного — пережить кризис рождения, когда ребенок наиболее раним. Хотя мы не знаем, насколько широко практиковались эти ритуалы вне Аттики, но, по всей видимости, они существовали во всем грекоязычном мире.

В Древнем Риме детей высоко ценили, их рождение было общепризнанной социальной добродетелью. Повитуха первой осматривала новорожденного, делала особый жест, в зависимости от пола ребенка, и вследствие этого выносила предварительное решение, пригоден ли ребенок для воспитания. Важную информацию о восприятии младенчества, об уходе за ребенком и его лечении с момента рождения оставил римский врач и педиатр Соран Эфесский (98–138) [20]. По словам Сорана, при рождении ребенка следует немедленно положить на землю, а акушерке (повивальной бабке) произвести осмотр для оценки его физического благополучия.

Родившись, ребенок сразу оказывался под юридической властью отца («*patria potestas*»). Далее отец принимал решение о том, воспитывать ли ребенка в семье или бросить на произвол судьбы. В Риме были свои ритуалы приня-

тия ребенка в семью [34]. В последние десятилетия вопрос, поднимал ли отец ребенка с земли, как это традиционно считалось, вызвал большой академический интерес. Ряд зарубежных исследователей в настоящее время разделяют мнение Т. Köves-Zulauf о том, что отец не поднимал младенца, и это выражение является метафорическим [51]. Отечественный исследователь Н.Д. Клёнышева настаивает на буквальном поднятии новорожденного ребенка с земли, проведении празднества «день ритуального очищения» («*dies lustricus*»), особых очистительных обрядов и наречения имени (мальчикам на восьмой, а девочкам на девятый день), которые и являлись, собственно, ритуалом принятия в семью [12]. Ребенок получал имя и гения (подобно тому, как сейчас в христианстве получает имя и ангела-хранителя). В дальнейшем празднование этого дня и было празднованием дня рождения (с жертвами гению, украшением его алтаря цветами, подношением ему особого пирога). Его можно сопоставить с празднованием именин в христианской традиции. Дверь дома, где родился ребенок, украшался лавровым венком, на стене дома могли делать надпись об этом событии. К отцу приходили друзья поздравить его, вдоль дома выставлялись скамьи, чтобы прохожие могли присоединиться к празднованию [31]. Ребенку давалась булла — кожаный или золотой шарик, внутри которого был амулет. Он показывал свободный статус ребенка (как правило, мальчика) и делал запретным любые попытки к сексуальному насилию над ним (в отношении ребенка-раба это не возбранялось). Кроме буллы ребенок из аристократической семьи носил особую одежду, «*toga praetexta*», тогу с пурпурной полосой, до совершеннолетия [59].

В Афинах, согласно законам Перикла о гражданстве в 451 г. до н.э. только ребенок, оба родителя которого были гражданами, мог стать гражданином Афин. Дети, прижитые от рабынь или от незаконной связи, а также от женщины, не являющейся афинской гражданкой, рассматривались как незаконнорожденные. Они не могли претендовать на гражданство и лишались права на наследование. Перикл, принявший этот закон, позже вынужден был просить афинян сделать исключение для его сына, чья мать, Аспасия, была родом из Милета и считалась в Афинах иностранкой [69]. В то же время для граждан существовала возможность официального усыновления ребенка [42].

Воспитание детей в Греции, или «пайдейя», было сложным и многогранным понятием в античности и не сводилось только к школьному

обучению. Идеалом пайдейи было воспитание в молодом человеке калокагатии (от древнегреческих слов «kalos» — «прекрасный» и «agathos» — «добрый, хороший»). Это касалось только воспитания мальчиков. Мальчики и девочки за пределами дома практически не пересекались. Традиционно принято противопоставлять концепции воспитания в Афинах и Спарте, двух государствах, о которых из источников мы знаем больше всего. Как в Афинах, так и в Спарте первые шесть лет жизни ребенка проходили исключительно под покровом ойкоса (дома), на женской его половине. Эти годы были временем социализации и инкультурации ребенка, осознания своей роли в иерархии семьи, приобщения к ее нормам и ценностям.

К 7 годам мальчик считался готовым к более активному участию в жизни общества. Он начинал обучение в школе и продолжал его до 18 лет. Формальное образование в Афинах не было обязательным, школы здесь были частными, платными, и отец или опекун решал, когда и как долго его сын должен получать образование. Оно включало обучение грамматике, математике, а также физическое воспитание и музыку (последние признавались обязательными). Занятия шли ежедневно, без выходных, только дни религиозных праздников были свободны. Уроки начинались утром, в обеденное время мальчики уходили домой и возвращались в школу во второй половине дня для физических упражнений или дальнейшего обучения. Примерно с 12 лет мальчиков водили в палестру или школу борьбы, где их обучали бегу, прыжкам в длину, метанию диска и копья, а также боксу, борьбе и др. Отец назначал для своих сыновей педагога («paidagogos»), обычно престарелого и надежного раба, для надзора и, если необходимо, для дисциплинарного воздействия. Он не был учителем, его обязанностью было следить за своим молодым подопечным, сопровождать его в школу и из школы, смотреть, чтобы он не пострадал и не подвергался разлагающему влиянию.

Классическим трудом по спартанскому воспитанию детей является работа французского историка А.-И. Марру [16]. Однако современные исследования внесли определенные коррективы в эти представления. Воспитание спартанского мальчика было весьма аскетичным и суровым и осуществлялось в системе общественного воспитания, называемого «агогэ». Спартанские матери оказывали основное влияние на детей в доме в течение первых нескольких лет их жизни. Они были более зрелыми, физически развитыми, пользовались боль-

шим уважением, отличались мудростью в пределах спартанского общества, и имели большую степень свободы, чем афинянки, жизнь которых была скрыта от посторонних глаз. Обладая значительной властью в ойкосе, они воспитывали своих детей в соответствии с обычаями и ожиданиями своего общества, навязывая позитивные концепции мужества и храбрости и препятствуя трусости своих сыновей, которые должны были стать следующим поколением спартанских воинов.

Считалось, что в спартанском обществе связь между отцом и сыном не была крепкой, и отец играл небольшую роль в воспитании своих детей. Однако это сейчас оспаривается (отцы нанимали своим детям учителей, играли с ними, формировали теплые и доверительные отношения), как и положение, что дети постоянно воспитывались вне дома. Очевидно, что проживание в казармах было не постоянным, а периодическим, и отец играл важную роль в воспитании сыновей [50].

Свобода греческих девушек и женщин была весьма ограничена — они должны были повиноваться своим отцам, а потом мужьям (а в случае вдовства, брату или опекуну). Большую часть времени девочки проводили дома за рукоделием, ткачеством и шитьем. Из дома они выходили редко и в сопровождении рабыни. Однако религиозные праздники были временем, когда девочки и девушки могли активно участвовать в общественной жизни. Долгое время считалось, что афинская девушка была малограмотна, и только гетеры имели хорошее образование. Однако изображения на вазах, на которых девушки и женщины пишут и читают, и анализ текстов, в том числе текстов трагедий, в которых героини пишут письма или оставляют предсмертные записки, заставляет пересмотреть устоявшиеся взгляды на необразованность афинских девочек. Несомненно, они не учились вместе с мальчиками и не посещали палестру, но получали, видимо, домашнее образование иного характера, включая музыкальное [33]. Девушки Беотии и островов Эгейского моря славились своей образованностью, утонченностью, любовью к литературе (пример поэтессы Сапфо и девушек ее школы) [16].

В Спарте считалось, что ткачество — дело рабское, а девушки являются будущими матерями защитников отечества и должны участвовать в состязаниях и играх наравне с юношами и даже вместе с ними. По словам древнегреческого писателя и философа Плутарха (II в. н.э.), государство требовало, чтобы будущие матери

занимались физической подготовкой, включая гимнастику, бег и борьбу, а также метание диска и копья (хотя девушки, конечно, не проходили спартанской агогэ и казарменной тренировки в агелах, как мальчики и юноши) (Плутарх. Ликург, 14) [21]. Спартакские девушки были не только спортивные и раскрепощенные, чем их афинские сверстницы, но также лучше питались и были более физически зрелыми к своим первым родам, что позволяло избежать многих родовых осложнений. При этом образованность не была их сильной стороной — румяная от свежего воздуха и сильная от упражнений спартанка была полной противоположностью бледнокожей афинянке, проводившей большую часть времени дома не только за ткачеством, но и за книгой, флейтой и кифарой [50]. Если девушка и женщина в Афинах всегда была в состоянии юридического несовершеннолетия, то в Спарте она могла наследовать отцу и владеть землей, как ее братья. Девушек выдавали замуж в 12–15 лет.

Моделью римского мира была патриархальная семья, поэтому римские законы предоставляли право собственности отцу семейства на имущество, рабов, домочадцев, в том числе и на детей [22]. Главе семейства («*pater familias*») принадлежала абсолютная власть («*patria potestas*») над всей семьей, в том числе над жизнью и смертью своих детей с рождения, которая простиралась во взрослую жизнь [52]. Дети в буквальном смысле принадлежали своему отцу — они брали его имя и получали его социальный статус. С семьей матери (и даже с самой матерью) ребенка связывали довольно слабые узы. Отец формально, по закону, мог продать детей в рабство, заставлять работать на своих полях в цепях, наказывать и даже выносить смертный приговор. В периоды процветания римский отец мог продавать услуги своего сына по соглашению, похожему на ученичество или трудовой договор. Преступления, совершенные внутри семьи, обычно не выносились перед общественными судами, а решали частным образом, т.е. ценность жизни несовершеннолетнего как личности полностью определялась субъективным отношением к самому факту его существования со стороны отца. Отношения между родителями и детьми представлялись строго иерархическими, с отцами, занимающими почти всемогущее положение. Однако за последние два десятилетия было изучено гораздо больше различных источников, и картина представилась более сбалансированной, показывая, что существовало много ограничений на «*patria potestas*». Широкое при-

менение власти отца в римском обществе, достигающее до детоубийства, оспаривается в современной литературе [62]. Это ясно указывает на необходимость тщательного подхода, учета разнообразных источников и их интерпретацию для получения существовавшей картины отношений между родителями и детьми. Право убить сына в ранний имперский период уже было отнюдь не бесспорным, к IV веку убийство ребенка отцом было запрещено. Несомненно, власть отца значительно уменьшилась, но она продолжала существовать, и основные патриархальные структуры никогда не подвергались пересмотру. Итак, юридические римские документы, которые вносили основной вклад в соотношение «власть отца и право жизни и смерти» не обязательно описывают повседневные реалии семейной жизни. Хотя по закону отец мог лишить сына наследства или даже убить, это не означало, что многие отцы так поступали. Отношения между отцами и детьми были разными, были строгие отцы и отцы-либералы; отцы, баловавшие детей, и скупые отцы. Создается впечатление, что римляне все больше и больше ожидали того, что отец выкажет не только строгость, но и благорасположение, интерес и нежную любовь к ребенку. Основой отношений между родителями и детьми в семье было не право, а «*pietas*» — многогранная добродетель, в которую входило благочестие, уважительное отношение к стране, предкам и родителям [52]. Отношения между родителями и детьми в идеале должны были строиться на взаимной «*pietas*» [64].

Отношение к детству и его восприятие в римском обществе было сложным и часто противоречивым. Представления о ребенке, особенно маленьком, как о несформированном, физиологически несовершенно по своей природе существе, не приспособленном для взрослой жизни, господствовали в античном обществе, особенно в римском. Для включения в мир взрослых его необходимо формировать. Это формирование включало все аспекты опыта детства, от физического формирования тела до социализации и образования. Хотя ребенок и не признавался полноценным человеком (особенно младенцы, еще не одаренные речью), однако признание детства как особого этапа в жизненном пути римлян, несомненно, существовало, так же как и конструирование и оценка специфических детских качеств, включая их уязвимость и очарование [44, 47]. В жизни дети были желанными, ценными и значимыми. Безусловно, в литературе того времени имеются указания на семейное счастье, на ра-

дось, которую приносят родителям маленькие дети.

В конце XX века известный исследователь детства в античности М. Golden поставил перед собой вопрос: трогала ли смерть детей их родителей в античности [41]? Бытовало мнение, что из-за высокой младенческой и детской смертности римские родители не рисковали и не привязывались сильно к своим детям. На первый взгляд, это подтверждается тем, что умершие дети раннего возраста мало представлены на надгробьях имперского периода. Однако тому, что эмоциональных связей между родителями и детьми не было, противоречат литературные источники, из которых видно, что родители оплакивали смерть своих детей, даже совсем маленьких [52]. Хотя в мужской философской среде считалось добродетелью не оплакивать смерть ребенка, а такие авторы как Цицерон (106–43 до н.э.), Сенека (4 до н.э.–65 н.э.) и Плутарх (46–127) убеждали своих друзей не горевать о смерти маленьких детей, в то же самое время мы находим совершенно другие литературные и эпиграфические свидетельства. Тот же Плутарх написал своей жене письмо после смерти их двухлетней дочери Тимоксены, в котором утешает свою жену и хвалит ее стойкость, противопоставляя ее поведение вопиющим эмоциональным проявлениям, которым подвержены многие родители, когда умирают их дети. Еще одним утешительным посланием глубоко скорбевшему Апполонию по случаю ранней смерти сына является «Утешение к Аполлонию» Псевдо-Плутарха. Сенека пишет, что радостная детская беззаботность умершего ребенка должна остаться в памяти родителей, но это не значит, что они должны предаваться безутешному горю, а современник Сенеки поэт Стаций пишет поэму «Сильвы» для утешения своего друга, потерявшего маленького приемного (даже не родного!) ребенка. Плиний Младший (61–113) утешал своего друга, сенатора Регула, который был в отчаянии от смерти своего маленького сына. Горевали по своим детям и императрица Ливия, и император Нерон, и другие знатные римляне [21, 30].

Погребение маленьких детей не было по римским законам общественным событием, но это не значит, что родители не уделяли ему внимания. Греческие и римские эпитафии полны трогательных слов о безвременно умерших детях, описывая детей как любимых, прекрасных, умных, как погибшую надежду старости близких. Так, четырехлетний умерший мальчик в надписи, сделанной его безутешными родителями, именуется «ты — наш бог» и выража-

ется уверенность в том, что они будут под его защитой [45].

В своем путешествии в преисподнюю Эней у Вергилия встречает души умерших младенцев:

«Тут же у первых дверей он плач протяжный
услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной
жизни
Рок печальный унес во мрак могилы до срока».
Энеида, 426–429

Как говорит современный исследователь римских детских погребений, ничто не указывает на то, что высокий риск потерять ребенка делал сердца родителей черствыми к утрате — напротив, он увеличивал родительскую тревогу и ответственность за детей [29].

Ответственность за раннее образование ребенка в семьях аристократии лежала на кормилице и учителе (домашний учитель был для детей младшего возраста). Родители, особенно отец, мало контактировали с ребенком в раннем детстве. Так, римский философ-стоик Сенека (4 до н.э.–65 н.э.) утешает отца, потерявшего маленького сына, тем, что кормилица знала ребенка гораздо больше, чем сам отец. Таким образом, в аристократических семьях ухаживающие за ребенком люди низкого происхождения имели больше влияния на ранние годы формирования ребенка. Мать занималась детьми младшего возраста, а образование сына, начиная с 7 лет, было уже задачей отца.

Как только ребенок становился старше, ему давался наставник-раб. Он сопровождал ребенка везде: не только в школу, но и в театр, и в цирк, и играл огромную роль в социализации ребенка.

В Республиканском Риме мальчики и юноши учились на примере отца, со II в. до н.э. римляне переняли греческую систему образования. Ребенка обучали дома с индивидуальным преподавателем (часто греком-рабом), или он посещал школу.

Государство делало попытку помочь детям низших классов получить образование. Так, император Троян (98–117) выделял деньги небогатым родителям для обучения детей. Итальянским землевладельцам были доступны займы от центрального правительства, проценты с этих займов распределялись между общинами, чтобы помочь (хотя бы частично) родителям в оплате обучения их детей. Система государственной помощи детям малоимущих роди-

телей и сиротам — алиментация — была введена императором Нервой (96–98) и просуществовала примерно до середины III века. Алиментарные программы поддерживали девочек до 13–14 лет, а мальчиков на несколько лет дольше.

Мальчик из аристократической семьи до совершеннолетия носил особую одежду, «*toga praetexta*» (тога с пурпурной полосой), которая затем менялась на «*toga virilis*» (мужская тога). Определенного времени для этого обряда не было, мальчики получали ее между 14 и 16 годами. Для девочек брак был водоразделом между детством и взрослой жизнью. По закону римские девочки могли выходить замуж в 12 лет.

В конце Республики и, особенно, в начале Империи (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.) взгляд на детство начинает меняться. Несмотря на то что отцовская власть провозглашалась вечной и сильной, происходит ее некоторое ослабление. Право на жизнь и смерть трансформируется в право на умеренную коррекцию, сводившуюся к праву отца применять домашние меры наказания детей, к обязанности детей оказывать уважение родителям, поэтому дети не могли предъявлять к родителям порочащих исков, а за злоупотребления властью могло последовать наказание. Например, отец был вынужден освободить своего сына после жестокого обращения с ним, или отец должен был передать это дело магистрату, если его сын заслуживал смерти.

На отношение к ребенку в Византии огромное влияние оказало христианство. Религия была одним из основных факторов, влияющих на духовную культуру византийского общества, законодательство, правоотношения и уклад жизни его граждан.

Христианские идеи о том, что все люди созданы по образу Бога, повлияли на отношение к детям как положительно — они считались полностью человеческими, так и отрицательно — они были в падшем состоянии и страдали от греха. Институт семьи в византийском обществе, так же как и в других культурах, был значимым элементом в родственных и социально-экономических отношениях. В эпоху классической Византии в семейных правовых отношениях и обрядности присутствовали черты как римской, так и христианской семьи. Они регулировались гражданским законодательством и дополнялись церковными ограничениями. С течением времени взгляды на ценность жизни детей постепенно менялись: с одной стороны, христианство стремилось приобщить к церкви всех детей таинством крещения, с

другой — забота о детях рассматривалась как милостыня во спасение души и как покаяние. Христиане считали убийство и оставление смертными грехами, а милосердие было объявлено не только добродетелью, но и обязанностью христианина.

Хотя причины, по которым родители в Византии имели детей, могут выглядеть как сугубо практические, после рождения ребенка не возникало вопроса о том, существовали ли сильные эмоциональные связи между родителями и ребенком. Сохранилось множество византийских текстов, в которых видна большая радость о детях и внуках. Среди них и тексты ученого византийского монаха, автора исторических и философских трудов, математика Михаила Пселла (1018–ок. 1078), который писал о дочери и внуке проникновенно и с любовью. Его описание своего 4-месячного внука уникально для византийской литературы. В письме, приуроченном к рождению ребенка, он пишет, что поцеловал его еще неомытого. В другом письме сообщает, что любил смотреть, как ребенка купают, проверял теплоту воды и слушал песни кормилицы [67].

Дети в Византии выделялись в отдельную категорию жителей империи. Отношение к детям было христианизированным, отец не был столь властен над жизнью и смертью своих детей или внуков, как в Древнем Риме, а детоубийство и продажа собственных детей в рабство были запрещены. Аборт рассматривался как детоубийство, поэтому христианство отрицательно относилось к такой практике. Родители обязывались кормить, одевать своих детей, предоставлять им жилище вплоть до совершеннолетия и позже. С точки зрения законодательства полная правоспособность наступала в возрасте 25 лет, однако в других контекстах предельными были другие значения. Распространенным явлением в Византии являлись браки среди детей, часто совершавшиеся в возрасте около 10 лет.

Важную роль в жизни ребенка играло получение образования, которое обычно начиналось в возрасте шести или семи лет. В школах, как и в предыдущий период, продолжали изучать грамматику, риторику, философию. Однако программы и учебники, по которым обучались дети в Византии, постепенно менялись, в том числе менялись этические идеалы — в культурном наследии библейский материал вытеснял классический. Школы организовывались и в городах, и в сельской местности. И их могли посещать не только сыновья из привилегированных семей. Известно, что император Алексей I Комнин (1081–1118) ор-

ганизовал грамматическую школу для детей воинов, павших на полях сражений, а также школу для детей, потерявших родителей, и из неимущих семей. Педагоги и ученики находились на полном государственном содержании. Порой даже рабов учили грамоте. У богатых византийцев могли быть домашние рабы — писцы, врачи, воспитатели детей.

Раннее христианство уделяло больше внимания ответственности родителей за формирование и идеологическое воспитание своих детей с целью сделать их «хорошими христианами», происходило вовлечение родителей в воспитание детей. Поскольку от детей-христиан требовалось защищать не только честь своей семьи, но и христианской общины и веры, к ним предъявлялись более строгие требования в отношении нравственного поведения. Некоторые источники, даже больше, чем обычно до этого, подчеркивали необходимость использования физической силы как средства формирования христианина.

Принципиальное отличие византийских родителей заключалось в их готовности посвятить ребенка монашеской жизни в довольно раннем возрасте, особенно часто это было, если ребенок родился после долгого периода бесплодия или после того, как он перенес серьезную болезнь и выжил. Например, мать будущего преподобномученика и исповедника VIII века Стефана Нового молилась о ребенке, обещая посвятить его Богу [67].

ФОРМЫ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Формами насилия и жестокого обращения с детьми в рассматриваемых цивилизациях были: инфантицид, оставление ребенка на произвол судьбы, жертвоприношение, физические наказания, сексуальное насилие, тяжелый труд, насилие, связанное с военными конфликтами, пренебрежение нуждами ребенка, каждая из которых сопровождалась психологическим и эмоциональным насилием.

ОСТАВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ И ИХ УБИЙСТВО ПРИ РОЖДЕНИИ

Оставление детей на произвол судьбы и их убийство при рождении в Древней Греции и Древнем Риме в последние годы привлекает пристальное внимание исследователей разных стран. Многие десятилетия исследователи ссылались на рассказ древнегреческого писателя и

философа Плутарха (II в. н.э.) о царе Спарты Ликурге (IX–VIII в. до н.э.), которым было закреплено право на уничтожение неполноценных детей в соответствии с убеждением, что жизнь, которую природа не обеспечила здоровьем и силой, бесполезна как для нее самой, так и для государства, не обязанного оплачивать расходы на воспитание (Плутарх, Ликург, 16) [21]. Участь ребенка здесь определяли старейшины города, которые сразу после рождения осматривали ребенка и принимали решение о его жизнеспособности: достаточно ли он здоров и крепок, чтобы его можно было воспитывать и готовить к будущей жизни, или предпочтительней сразу же оставить на произвол судьбы или умертвить [38]. Современный взгляд на повествование Плутарха о строгом отборе и детоубийстве новорожденных в Древней Спарте во времена полулегендарного правителя Ликурга (отделенного несколькими столетиями от времени жизни самого Плутарха) в настоящее время расценивается как миф, продолжающий античную традицию философской утопической модели [36, 50]. Нет прямых данных об оставлении детей в Спарте (учитывая, что, согласно Плутарху, «неудачные дети» сразу умерщвлялись) [69].

В Древней Греции до ритуала принятия в семью ребенок в течение 5–10 дней не имел социального статуса и мог быть выброшен по воле отца (из-за нежелательности пола, внешних уродств, плохих предзнаменований, совпавших с рождением ребенка, большого числа уже имеющихся детей и нежелания делить имущество между несколькими наследниками). Аристотель (384–322 до н.э.) считал, что обряды принятия в семью откладываются из-за опасения того, что ребенок сразу после рождения имеет высокую вероятность умереть (История животных 7.588a 8-10) [1]. В восприятии людей античности убийство и выбрасывание детей после того, как они были приняты как члены семьи, было ужасным деянием.

Насколько важной в античности, где высоко ценилось физическое совершенство человека, была причина оставления детей при рождении из-за физических недостатков? Дошедшие до нас высказывания ряда философов Древней Греции и Древнего Рима о детях больных, с расстройствами, как будто бы свидетельствуют об их бесполезности. Так, Аристотель, как и Платон (между 429 и 427–347 гг. до н.э.) до него, считал вполне справедливым и разумным закон, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует (Политика, кн.7 1335b). Сенека рекомендовал топить слабых и уродливых младенцев. Однако скорее это также были теорети-

ческие представления философов об идеальном государстве, не совпадавшие с окружающей действительностью, которую они желали исправить [38]. Литературные источники содержат упоминания о больных или увечных детях, внебрачных сыновьях, т.е. тех, кто такой участи избежал [15]. Исследования показывают, что не все дети, имеющие физические недостатки, изгонялись из своих семей или общин, родители и акушерки выхаживали и помогали младенцам, они были интегрированы в семью, которой приходилось нести бремя заботы о них [66]. Также оспаривается и нетерпимость к больным детям в Спарте: пример хромоногого царя Агесилая II, который в детстве занимался с остальными мальчиками и старался ни в чем им не уступать, достаточно серьезный повод сомневаться в истреблении больных детей спартанцами, считает современный исследователь образования в Спарте Н.М. Кеннел [50]. Будущий римский император Клавдий (41–54) из династии Юлиев-Клавдиев, был увечным с рождения (он, скорее всего, страдал ДЦП с сохраненным интеллектом), и, однако, был воспитан своей семьей, в общем-то, плохо к нему относившейся. Несомненно, случаи оставления таких детей были, но, вероятно, это были решения, которые предпочитали открыто не обсуждать. Успешно или нет, родители таких детей молились, нанимали врачей, прилагали усилия для изготовления различных приспособлений, облегчающих жизнь их детей, посвящали свою жизнь уходу за ребенком, стремясь восстановить их здоровье и работоспособность, совершали паломничества, консультировались с оракулами, использовали магию и приносили жертвы, смирялись с инвалидностью своих маленьких домочадцев. Вероятно, были и такие, кто позже пожалел о своем решении воспитывать такого ребенка. Смысл и значение инвалидности как понятия менялись от общины к общине и из века в век, в зависимости от множества факторов. Однако факты показывают, что в мышлении и практике существовала определенная преемственность в смысле облегчения жизни людей с инвалидностью. Например, пандусы, построенные в лечебницах и других святилищах, обеспечивающие удобное перемещение людей с различными физическими отклонениями, связаны со значительными затратами на их устройство. Пандус, ведущий к афинскому Акрополю, был построен в VI веке до н.э. и перестроен в V веке до н.э.; он был заменен лестницей только в I веке н.э. Бутылочки для кормления больных и новорожденных с пороками развития продол-

жали производиться, экспортироваться и использоваться в течение сотен лет.

Правовое положение подкидышей было различным в полисах Греции. На острове Лесбос найденыйш, поднятый с земли мужчиной, принимался в его семью. В Афинах человек, воспитавший найденыйша, мог по своему усмотрению обращаться с ним как со свободным или рабом; при этом отец, выбросивший ребенка, формально сохранял над ним свои права (а также над выброшенным ребенком своей рабыни), и при удобном случае он мог их предъявить. Любимой фигурой в комедии IV века до н.э. был ребенок, который был выброшен своими родителями (подвергнут жестокости), затем спасен и позже найден своими же родителями. В качестве примера можно привести 2 комедии римского комедиографа Плавта (ок. 254 до н.э. — 184 до н.э.) «Шкатулка» и «Канат».

Найденыйши часто воспитывались как проститутки обоего пола. Так, Демосфен в одной из своих речей говорит о некоей Никарете, жившей в IV веке до н.э. в Коринфе и занимавшейся этим промыслом: «Семь молодых рабынь, купленных в раннем детстве, приобрела Никарета, вольноотпущенница Харисия элейца, жена повара Гиппия, служившего у Харисия, — женщина опытная, умеющая обращаться с девочками, находящимися в раннем возрасте, знающая, как воспитать их надлежащим образом и обучить их этой профессии: это дело стало для Никареты источником существования. Так она извлекала выгоду из юного возраста каждой, торгуя одновременно телами всех семерых — Антеи, Стратолы, Аристоклеи, Метаниры, Филы, Истмиады и этой самой Неэры» [8].

Как гласила легенда, сами основатели Рима были найденыйшами, выкормленными волчицей. В Древнем Риме отец принимал решение о жизни и смерти детей, но прежде чем вынести такое решение, он по обычаю должен был посоветоваться с родственником («*consilium*»). Согласно Законам XII таблиц (лат. *Leges duodecim tabularum*; 451–450 до н.э.), представлявших собой свод законов Древнего Рима, регулирующих практически все отрасли (в том числе сферу семейных и наследственных отношений), убийство детей, особенно с уродствами или увечьями, не считалось преступлением (Таблица IV — «Права отцов семейства»), также как и оставление ребенка [22]. Однако надо принимать во внимание, что источников, свидетельствующих об употреблении этого закона римскими отцами, сохранилось очень мало. В последние годы среди ученых произошла переоценка взглядов на детоубийства в связи с детальным изучением большого количе-

ства найденных останков младенцев из погребений романо-британских поселений, вилл и общинных кладбищ на территории Британии периода завоевания ее древними римлянами. Выяснилось, что многие захоронения принадлежат мертворожденным детям, а не жертвам убийств, как считалось ранее [57].

Мотивами для отказа от ребенка были, прежде всего, экономические причины. Они распространялись на незаконнорожденных детей и детей бедных или рабов. Но и здоровые, законные дети, рожденные в богатых семьях, также рисковали подобной судьбой во избежание снижения семейного статуса в результате последовательного распада семейной собственности в рамках раздельной системы наследования [6].

Здоровье ребенка — вторая по значимости причина: младенцы, которых акушерки считали «слабыми», нездоровыми и/или с физическими дефектами также, вероятно, были более подвержены оставлению, они же и чаще умирали.

Как римляне относились к оставлению наиболее четко изложено в книге J. Boswell, где он утверждает, что детоубийство и оставление концептуально являются очень разными действиями, их нельзя отождествлять, и что прямое убийство младенца в любом случае было незаконным во времена Римской Империи [28]. По его мнению, римляне под оставлением или подкидыванием ребенка понимали «добровольный и необратимый отказ от контроля над детьми со стороны натальных родителей или опекунов, оставляющих их где-то, продающих, или по закону передающих заботу и контроль над ними какому-то другому лицу». Родители тем самым отказывались от своих прав на них. В какой-то мере оставление детей было способом регулирования размера и вида семьи римлян, не нарушавшим семейной стабильности или супружеских отношений.

В умах многих людей оставление было альтернативой детоубийству, ими владело непреодолимое ожидание, что ребенка заберет незнакомец, независимо от того, будет ли он растить его как своего (благо) или для превращения в раба (зло). К сожалению, частым исходом оставления была смерть ребенка. Монотеистические религии Римской империи (иудаизм и христианство) всегда протестовали против убийства детей и жестокого обращения с ними. Ранние христианские апологеты, такие как св. Иустин Философ (ок. 100–165), Афинагор Афинский (ок. 133–ок. 190), Климент Александрийский (ок. 150–ок. 215), отцы Каппадокии Григорий Нисский (335–394) и Василий Вели-

кий (ок. 330–379) осуждали детоубийство и приравнивали к нему оставление детей. По мнению христианского писателя Лактанция (ок. 250–ок. 325), людей нельзя считать невиновными, если они предлагают свою собственную плоть и кровь для диких собак, а в случае, если младенцев подберут и вырастят, то для публичных домов или рабства [58].

Всем были хорошо известны места для оставления брошенных новорожденных, что, несомненно, облегчало шансы быть спасенным из жалости или из-за выгоды. Младенец мог быть поднят незнакомцем, продан за прибыль, обращен в рабство любым человеком, мог попасть в гладиаторскую школу или принуждался к проституции [68], т.е. если ребенку было суждено жить, риск жестокого обращения продолжался. Описаны случаи, когда брошенные дети возвращались в свою биологическую семью, которая, возможно, все время знала о них. Нет также никаких твердых доказательств, указывающих на то, что чаще оставляли девочек. Например, сохранившиеся юридические контракты из Александрии в Римском Египте (13 до н.э.) между рабовладельцами и кормилицами показывают, что дети-подкидыши обоих полов были выращены. Нет также никаких твердых доказательств, указывающих на то, что чаще оставляли девочек. Способствовала находению ребенка сделанная специально для этого случая подвеска-оберег — «сrepundia», которая одевалась на новорожденного. Она была индивидуализирована, могла содержать имена родителей и позволяла им в случае потери ребенка или его оставления опознать дитя, а также была знаком свободного рождения младенца. Роль крепундия как опознавательного знака могли играть и другие предметы: игрушки, украшения и т.д.

Часто детей оставляли на перекрестках или напротив храма, в надежде, что кто-нибудь позаботится о них. И действительно, некоторых детей подбирали и воспитывали как найденных. Оставленные дети были одним из важных источников поставки рабов, спрос на которых был огромен. Так, знаменитый грамматик и драматург Мелисс из Сполетия (ок. 485–ок. 425 до н.э.) был свободнорожденным, но его родители, поссорившись, подкинули его. Стараниями и заботой воспитателя Мелисса, хоть и воспитывался как раб, но получил великолепное образование и был подарен государственному деятелю и покровителю искусств Меценату (между 74 и 64–8 гг. до н.э.). Позже его мать потребовала его освобождения, однако Мелисс предпочел остаться домочадцем Мецената, даже в качестве раба.

В классическом Римском праве частный акт, такой как оставление ребенка, продажа ребенка или залог детей, не мог изменить правовой статус ребенка или превратить свободнорожденного в раба. Это утверждение оставалось в римских юридических источниках и в позднем Риме дополнялось указами о запрете продажи детей. Законы империи не наказывали и не поощряли оставление новорожденных. Источники римского права I–III веков н.э. указывают: свободнорожденные дети, которые были оставлены на произвол судьбы и в дальнейшем спасены, но выращены как рабы, сохраняли свое право свободнорожденного («*ingenuitas*») и могли в дальнейшем получить свободу, доказав свой изначальный статус свободнорожденного. Это, безусловно, было невероятно тяжело или даже невозможно для самого ребенка, если он был воспитан в рабстве.

Начиная с императора Константина Великого (306–337), происходит драматическая перемена — легитимация воспитания найденшей как рабов, даже если они были рождены свободными. Это должно было остановить родителей, оставляющих детей на произвол судьбы, так как статус раба был ужасной перспективой для свободнорожденного человека. Константин при голоде в Африке приказал выдать зерно голодающим, чтобы прекратилась продажа детей в рабство, так как «это полностью чуждо нашим нравам позволять кому-либо, стесненному голодом, совершать такой недостойный поступок». Спустя около 40 лет после смерти Константина, а именно 5 марта 374 г., императоры Валентиниан и Валент издали эдикт: «Пусть каждый питает свое потомство. Если кто оставит его на произвол судьбы, будет наказан». Существует отрывок из юридического документа *Sententiae Paulus* (Dig. XXV.3.4), написанного в IV веке, который вызывает много споров: «Не только человек, душащий своего ребенка, убивает, но также и человек, выбрасывающий ребенка, человек, отказывающийся кормить его, и человек, который оставляет его в многолюдном месте — чтобы вызвать жалость, которую он сам не явил». Закон императора Гонория, правившего на Западе Римской империи с 395 по 423 гг., повторяет запрет Константина на возможность предъявления впоследствии прав на ребенка родителями или хозяевами и впервые отмечает роль церкви (спаситель ребенка обязан предъявить его епископу).

В восточной части Римской империи церковь принимала участие в судьбе подкидышей, чему есть свидетельства у Григория Нисского в

«Жизни Макрины» и у блж. Августина (Ер.98.6). Однако организованной помощи государства в воспитании таких детей не было, продолжал существовать бизнес выращивания подкидышей на продажу как рабов и частные (христианские) благотворительные инициативы воспитания таких детей.

В Византии (в отличие от античности) оставление детей, подкидывание наряду с абортom или детоубийством осуждалось, независимо от причины: подразумевалось, что ребенок, по всей вероятности, умрет; поощрялось усыновление.

По этому поводу принимались и законодательные акты, которые с течением времени ужесточались. Так, в 529 г. император Юстиниан провозгласил, что все оставленные на произвол судьбы дети, вне зависимости от их статуса при рождении, считаются свободнорожденными (Кодекс Юстиниана, 8.51.3), в дальнейшем он повторил этот закон еще раз в 541 г., введя за неисполнение его смертную казнь — оставление ребенка приравнивалось к убийству [37].

Некоторые авторы, исследующие эти проблемы, считают, что существовало особое ведомство, занимающееся судьбой неусыновленных сирот. В эту категорию включались дети, потерявшие обоих родителей или только отца. Во время правления Юстиниана создавались «детские дома», или брeфотрофии («*brephotropheia*»), для воспитания детей-сирот, находящихся на государственном и общественном попечении. Обширные приюты организовывались при монастырях. Позже число таких учреждений возрастало, в них заболевшим воспитанникам оказывалась медицинская помощь. Практика отдавать детей в монастырь по обету была широко распространена на Западе, а на востоке (в Египте, например) существовал монастырь *Phoibammon* рядом с *Jeme* (Новая Фиваида), где воспитывалось много сирот. В монастырях также существовали школы, где дети могли получить образование.

ФИЗИЧЕСКИЕ НАКАЗАНИЯ

Классическим описанием наказания нерадивого ученика в греческой школе служит шутивая зарисовка древнегреческого поэта III века до н.э. Герода. Мать насильно ведет лентяя-сына, пристрастившегося вместо школы к азартным играм, к учителю, чтобы тот наказал его:

«...ему б ослов пасти надо,
А я-то грамоте его учить стала,
На черный день подспорье чтоб иметь в сыне!»

Учитель солидарен с матерью:

«Получит он свое... Где Эвфий мой? Где же, Где Филл и Коккал? Ну, поднять его живо на плечи! А где мой едкий бич, где бычий хвост, коим Кандальников и лодырей я всех мечу?» [18].

В оригинальном тексте у учителя в бич вплетены астрагалы — те самые, которые незадачливый ученик использовал для игры в бабки и орлянку [27].

Спартанское воспитание включало физические наказания, самым известным из которых была ритуальная порка на алтаре Артемиды, которую подростки должны были выдержать без криков и стонов, иначе их могли заporоть до смерти. По словам Ксенофонта, Ликург разрешал мальчикам в дополнение к их скудному ежедневному пропитанию воровать пищу с полей, садов или с мужских застолий, но те, кто был пойман, подвергались порке. Считалось, что это развивает хитрость, осторожность и находчивость — важные качества воина. Попавшихся мальчиков наказывали не за воровство, а за то, что они плохо справились с задачей (Const. Lac. 2) [13].

Сохранилось много свидетельств о телесных наказаниях детей в Древнем Риме. Раннехристианский богослов и мыслитель Аврелий Августин (354–430) сравнивает страх наказания ребенка перед розгой учителя со страхом преступника перед инструментами пытки («дыба и кошки»). В своей «Исповеди» — главном труде Августина Аврелия, представляющем рассказ о его сложном жизненном пути и формировании философско-религиозных взглядов, приводятся тяжелые воспоминания о его детстве: «Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда... Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. <...> взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем» (Исповедь, 1, 9) [4]. В труде «О граде Божиим» он пишет, что согласился бы лучше умереть, чем вернуться в школу (О граде Божиим, 21, 14) ссылка?. Там же он упомянул орудия школьных педагогов: бичи, розги, разнообразные палки педагога («lora», «virgae», «sceptra», «ferula») (О граде Божиим, 22, 12). Их перечень весьма велик.

Римский поэт и ритор Авсоний, живший, как и Августин, в IV веке, описывает страх ребенка перед тростью, розгами и ремнем, и называет

такой страх «пустым», добавляя: «твой отец и мать прошли через все это» (Письмо 22.30).

Употреблялись также ремни из высушенной кожи угря — об этом говорит Плиний Старший в «Естественной истории» (IX, 77), подчеркивая, что «она толще, чем у мурен и поэтому ею часто бьют школьников» [25].

Римский сатирик Марциал (ок. 40–ок. 104) в одной из своих эпиграмм вызвал к жалости бессердечного учителя:

«Учитель школьный, сжался над толпой юной
<...>

Ременной плети из шершавых кож скифских,
Какой жестоко бит келенец был Марсий,
И беспощадной феруле — жезлу дядек —
До самых Ид октябрьских дай поспать крепко:
Здоровье — вот ученье для детей летом».

В другой эпиграмме Марциала (9, 68) дается характеристика учителя:

«Что донимаешь ты нас, проклятый школьный
учитель,
Невыносимый для всех мальчиков, девочек всех?
Ночи молчанья петух хохлатый еще не нарушил,
Как раздаются уже брань и побои твои» [17].

Все это происходило на глазах многих людей.

Римский поэт Гораций называл своего учителя Орбилия «драчливым» («plagosus»), так как тот весьма часто применял розгу.

Самое распространенное наказание, которое даже нашло отражение на фреске в Помпеях в доме Юлии Феликс и в упомянутом выше стихотворении Герода про эллинистическую школу — это поднимание ребенка за руки спиной вверх на плечи старших учеников для проведения экзекуции ремнем или розгой. Однако это напоминало способ дознания преступников, который назывался «catomidiare» (от греч. catomizo — «кладу на плечи»), и проводился как путем поднимания на плечи, так и вздергивания на дыбу. Неслучайно античные авторы, например, Цицерон и Августин, сравнивают наказания школьников с «дыбой». Что касается упомянутой выше фрески в Помпеях, то продолжается дискуссия, что на ней изображено: наказания ученика в школе при сидящих товарищах или наказания преступника при сидящих судьях.

Почему же римляне допускали такой двойственный статус своих детей, сближающий их с рабами и преступниками? Интересно, что наказание детей рассматривалось римлянами не только как дисциплинарная мера, но и главным

образом как подготовка к их будущей жизни, воспитание стойкости. Цицерон в Тускуланских беседах подчеркивал, что бесстрашие и безразличие к боли заставляло римлян уважать гладиаторов (гладиаторы тоже имели двойственное положение — с одной стороны, отбросы общества, «infames», с другой стороны — ими восхищались). После достижения мальчиком возраста 15 лет, когда он юридически становился римским гражданином, наказания к нему более не применялись. Наказание розгами было унижительным, для рабов и преступников. Сегодня считается, что в глазах родителей это была воспитательная мера, направленная на формирование стойкости и мужества как добродетели, а не простой бытовой садизм педагогов. Наказание маленьких детей не всегда выражалось насилием, непослушным детям просто угрожали сказками о страшных существах, которые уносили плохих детей.

Мозаики, относящиеся к началу V века из византийской Сирии, изображают этапы воспитания мальчика и юноши по имени Кимброс, происходящего, вероятно, из эллинизированной еврейской семьи [65]. На них изображены школьные сцены (приведение ребенка к учителю, ответ урока, школьный учебный диспут и т. д.), а среди них — сцены наказания ребенка. Порка считалась нормальной составляющей образовательного процесса.

Дети, как и взрослые, были свидетелями наказаний рабов и публичных пыток и казней (в том числе и театрализованных казней) преступников (они происходили на глазах детей и в средневековой Европе, и в периоде раннего нового времени), а также гладиаторских боев. Как сообщает римский автор «Истории августов» (IV н.э.), император Каракалла в детстве плакал или отворачивался, когда на арене цирка людей бросали к диким животным. Римский литератор IV века Авзоний также повествует о том, как ребенок был свидетелем публичного бичевания и пыток преступника. Кроме того, дети (мальчики) в довольно раннем возрасте принимали участие в петушиных боях — кровавой забаве. В семьях простых людей часто случались сцены избивания пьяным мужем жены. Об этом упоминают и церковные писатели, такие как блаженный Августин и Иоанн Златоуст [53]. В. Rawson указывает, что все эти множественные сцены насилия, окружавшие римского ребенка, несомненно, оказывали влияние на его психику [62].

Наказания родителями детей, будущих святых, описываются в житиях византийских святых. Так, Герман Марульский, принадлежав-

ший к знатному фессалоникскому роду Марулисов, с детства отличался набожностью и милостивым отношением к слугам своего отца. Мальчиком он был послан отцом следить за работниками в винограднике. Сжалившись над ними, в полдень он дал им перерыв, чтобы они могли пообедать и отдохнуть, а он — почитать псалтирь. Однако пришедший отец наказал ребенка за попустительство к работникам [62].

Семилетний ребенок уже отвечал перед законом. В случае совершения убийства его ожидала смертная казнь, не распространявшаяся на детей младшего возраста [61]. При разборе преступлений в дознании могли использоваться пытки, в том числе к детям с 14 лет, в основном применялись они только к детям-рабам.

Дети с физическими и психическими недостатками подвергались насмешкам, издевательствам, насилию, их часто использовали для развлечения гостей в качестве скоморохов, заставляли танцевать, демонстрировали в цирках, театрах. Христианство было значительным фактором перемен в судьбе детей-инвалидов. Августин близко к сердцу принимал тяжелую долю больных и ослабленных детей, несших тяжелую ношу со дня своего рождения. Он скорбел о них, перечисляя «слепых, одноглазых, затуманенных, глухих, немых, хромящих, деформированных, искалеченных, страдающих глистами, прокаженных, парализованных, эпилептических детей», вдобавок «импульсивных, вспыльчивых, тревожных, забывчивых, вялых, глупых детей», которых видел перед собой и очень беспокоился об их будущей жизни (*Opus imperfectum* VI 16).

Аграрные общества могли лучше интегрировать людей с умственными недостатками, чем с физическими, такими как нарушение ходьбы или зрения.

Продолжалось калечение детей по религиозным, медицинским, косметическим или экономическим причинам; выколотые глаза, деформированные ноги, ампутированные или искривленные руки привлекали больше внимания на различных представлениях и ценились дороже [56].

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Древние греки воспринимали мальчика, еще не вошедшего в пубертат, как существо, обладающее женскими характеристиками, так как полностью развитый мужской гендер предполагал обязательное наличие активного полового действия и должен был впоследствии развиться у мальчика, но пока находился как бы в

зачатке. Мальчик был биологически пока еще «импотентен» и социально зависим, поэтому он был похож на женщину. Аристотель ясно подчеркивал это восприятие в своем трактате «О возникновении животных», говоря, что мальчик подобен женщине по форме, и женщина похожа на импотентного мужчину (1.728a 17-21) [2].

В подростковом возрасте (с 12 до 18 лет), когда начиналось половое созревание мальчика, он еще не считался полноправным гражданином и именно в силу этого представлял пограничную стадию, при которой напряжение между «мужским» и «женским» становилось сильнее. Даже в 18 лет юноша еще не считался полностью зрелым мужчиной. Аристотель писал, что мужчина начинает вырабатывать фертильное семя и тем самым обладать полной потенцией лишь к 21 году, и только тогда происходит полный рост бороды, как знак мужества (История животных 7.1.582a 32-33) [1].

Самая яркая манифестация этой смешанной социальной гендерной идентичности происходила в древнегреческом феномене, по выражению французского историка греческого воспитания А.-И. Марру, «уродливой аберрацией», известном под названием «педерастия» [16]. Несмотря на название («pais» — «ребенок»), в отношении со зрелыми мужчинами вовлекались не дети, а подростки. Такие же отношения практиковались в Спарте и на Крите. Это, вполне вероятно, было своеобразной разновидностью инициации мальчика в «мужчины». Такие отношения были частью пайдеи, то есть образования, и половой контакт (без пенетрации) был только одной из ее составляющих. В Афинах существовал закон, запрещающий пенетрацию мужчинами свободнорожденных мальчиков и налагавший запрет на вовлечение мальчиков в проституцию. Пенетрация свободного мальчика была для него бесчестьем, уравнивая его с женщинами и рабами (в том числе и рабами, занимавшимися мужской проституцией) [35].

Девочек и девушек тщательно оберегали от общения с противоположным полом, но не всегда это удавалось, хотя законы Солона карали смертной казнью за изнасилование. В комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» говорится о сексуальном абюзе маленьких девочек, хотя, возможно, с комедийными преувеличениями: «Имела я дружка, которым лет семи / Была я растлена...» [3].

Дети-рабы обоего пола были беззащитны перед сексуальными домогательствами [42].

Известный американский социолог Н. Постман в своей книге «Исчезновение детства» пи-

сал о том, что в римской культуре понятие детства тематизировано гораздо отчетливее, чем в греческой, и решительным шагом на пути институционализации этой возрастной группы стало распространение в римском обществе понятия стыда [23]. Именно римляне впервые в истории связали представление о детях с этим (культурно обусловленным) чувством, которое наиболее отчетливо выразил римский ритор Квинтилиан (ок. 35–ок. 96), упрекнув римскую знать за распущенный язык и вольное поведение в присутствии детей — обычай, за который «следовало бы краснеть». Тем самым он сформулировал взгляд: взрослые должны ограждать детей от своих темных физиологических порывов и интимных секретов, прежде всего сексуальных.

Особое место в жизни знатного римлянина занимали дети рабы-любимцы, «*deliciae*». Они могли быть куплены у торговцев, а могли быть рожденными в доме хозяина. Их роль была различна: возможно, они были просто любимцами, подобно домашним животным, а могли подвергаться сексуальным домогательствам, но могли и заменять бездетному богачу-аристократу сына. В произведении «Сильвы» римского поэта I века н.э. Стация описывается привязанность его друзей к таким детям, часто безвременно умершим. В его лексике нередко можно проследить эротизм. Сам Стаций имел мальчика-воспитанника, рожденного и умершего в его доме, которого он горько оплакивал, как сына. Исследователи считают, что неверно считать любые отношения хозяина и любимца сексуально окрашенными [54]. Любимцем императора Домициана (81–96) был мальчик Эарин, евнух. Вероятно, под влиянием Эарина император выпустил указ, запрещающий кастрацию [48].

Дети в греко-римском мире активно привлекались и к сфере развлечений [26]. Отец мог продать или отдать ребенка или подростка любого возраста в проститутки. Философ-стоик I века Музоний Руф, рассуждая на тему, нужно ли слушаться родителей при всех обстоятельствах, описывает случай с отцом, который продал своего красивого сына в сексуальное рабство. Музоний часто говорил на тему сексуального насилия юных рабынь и категорически отвергал его [5]. В обществе же секс с рабынями (в том числе и девочками) считался морально нейтральным [49].

Иудеи и христиане выступали против сексуального насилия над детьми. Впервые выражение «не растлевай детей» появляется в раннехристианском памятнике конца I — начала

II века «Дидахе» («Учение Господа через двенадцать апостолов язычникам») и звучит как «ou paidophthoreseis». Это созданное в христианской среде выражение употреблялось вместо традиционного античного «педераст», то есть любитель (в сексуальном смысле) детей. Христиане называли таких людей «деторасти́тель», «paidophthoros», а не «paiderastes» [49]. О деторащении как абсолютно запрещенной практике, «содомском зле, противном природе» говорят раннехристианские авторы (Ириней Лионский, Иустин Философ, Климент Александрийский).

В Византии христианство имело более строгие ограничительные взгляды на сексуальные отношения между детьми и взрослыми, чем античность в целом, не в последнюю очередь из-за его упора на аскетизм и сексуальную умеренность и воздержание.

Существовала возможность обручения детей с 7 лет, особенно в богатых семьях, где речь шла о значительном имуществе, наследуемом как приданое невесты. Однако с VIII века по закону обручение детей младше 7 лет было запрещено, хотя для императорской семьи делалось исключение. Для обручения и брака требовалось согласие двух сторон и их родителей, или одного только отца. Детство для девочек фактически заканчивалось в 14 лет, в это время их обычно выдавали замуж. Бывали случаи, когда несовершеннолетняя или даже малолетняя невеста была изнасилована взрослым женихом — это в основном касалось браков аристократии [55].

В Византии содомия жестоко каралась по закону смертной казнью, причем наказывались оба участника. Если один из них был ребенком до 12 лет, то все равно он считался виновным, и вопроса о том, что он является жертвой насилия, не стояло; но как малолетнему преступнику, ему даровалось прощение, «так как он не понимал, что с ним происходило» (Эклога Юстиниана, 17.38). Позже, в IX веке, этот возраст был поднят до 15 лет, а детей предписывалось «ни казнить, ни пытаться, а пороть кожаным ремнем или розгой». Предусматривалось также принудительное отправление такого ребенка в монастырь, «на исправление» [61]. Позднее в сборнике церковно-гражданских византийских установлений «Законе судном людям» назначалось телесное наказание за женитьбу на близких родственниках, а прелюбодеяние с родственниками наказывалось отрезанием носов.

Стоит упомянуть и феномен скопчества как института, развитого в Византии. Там существовала ограниченная практика оскпления

детей, чтобы сделать из них евнухов — они очень ценились в императорской администрации и могли подниматься на высокие посты в государстве [63]. Смертность от этой операции была невероятно высокой. Император Юстиниан I запретил применять эту операцию к римским гражданам, в противном случае все участники в качестве наказания оскплялись, а выжившие ссылались в каменоломни и лишались имущества. Если участниками были женщины, то их постигала та же доля. Большое количество евнухов поставлялось с Кавказа.

ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД

Дети очень рано привлекались к труду взрослых, иногда очень тяжелому, и зачастую работали наравне со взрослыми. Тяжелый детский труд нередко сопровождался проявлением жестокости, унижением достоинства ребенка. Как мальчики, так и девочки вносили существенный вклад в бюджет семьи: мальчики — работая в поле (очищали поле от камней, разрыхляли плотные комки земли, ухаживали за животными) или в мастерской (например, гончарной) с отцом; девочки — за ткачеством и присматривая за младшими детьми [41]. Безусловно, мальчики из богатых семей имели больше свободного времени и возможности учиться.

Отношение хозяйки к девочке-рабыне отражено в стихотворных строках древнегреческого поэта III в. до н.э. Герода:

«Служителя поди, Кидилла, к нам кликни.
Тебе я говорю? Раскрыла рот, дура,
И до того, что говорю, ей нет дела!
Стоит и на меня, как рак, глаза пялит!
Иди, — служителя, я говорю, кликни!
Обжора! От тебя ни в праздник нет толку,
Ни в будни, но всегда ни с места, как камень!
Клянусь тебе, Кидилла, этим вот богом, —
Серчать я не хочу, но ты меня сердишь!
Клянусь, я говорю: настанет день оный,
Когда почешешь ты затылок безмозглый!» [18].

В Древнем Риме дети-рабы начинали работать очень рано, особенно в сельском имении. Однако и у детей ремесленников и бедняков детство было коротким. Знаменитый отечественный филолог и антиковед М.Е. Сергеенко писала: «Хуже жилось, конечно, городским ребятам, особенно если город, в котором они жили, был таким большим, разноплеменным и во многих отношениях нездоровым, как Рим. Пусть крестьянскому мальчику приходилось иногда тяжело, и он уставал, но он работал на

чистом воздухе; окружающая природа насыщала юную душу впечатлениями прекрасными и величавыми, и грозными, и идилически тихими. Городской ребенок их не знал: он рос в духоте маленькой каморки над мастерской отца или на ее задах, на грязной шумной улице. Он, конечно, тоже, как мог, помогал отцу в его работе и матери в ее хлопотах по дому, а свободные часы проводил на улице со своими сверстниками» [25].

Мальчики с младшего возраста должны были участвовать в работе на благо семьи. На римских мозаиках можно видеть детей в качестве возничих, музыкантов, виноделов. В сельском хозяйстве дети пасли животных, работали на полях, собирали плоды. Из римского Египта сохранились документы о том, что дети помогали при сборе оливок. Они получали до 4 оболов в день (оплата труда взрослого была до 6 оболов). Мальчики очень рано изучали ремесло (в возрасте 12–13 лет). Это обучение стоило дешевле, чем «гуманитарное», и подросший сын вскоре мог уже кормить семью и поддерживать родителей в преклонном возрасте [52].

Повседневная жизнь византийских детей из низших классов общества была такой же, как и во всем греко-римском мире. Отец мог отдать на работу ребенка или подростка любого возраста. Крестьянские дети пасли скот. Например, святой Давид Лесбосский пас овец и попал в грозу, но укрыл свое стадо под деревом, тогда как другие мальчики убежали, ища укрытия. Преподобные Павел Латрский и Иоанникий Вифинский пасли в детстве свиней, при этом говорится, что Иоанникий, перекрестив каждую из свиней, уходил прочь, а свиньи мирно паслись сами по себе. Пастухами также были монах Лука Элладский и преподобный Григорий Акритский [67].

Дети из более обеспеченных семей тоже могли помогать по хозяйству. Девочки даже из богатых семей учились прясть и ткать в очень раннем возрасте, так как это считалось основной женской работой. Преподобная Афанасия Эгинская сидела за ткацким станком, когда ей явилось чудесное видение. Дочь Михаила Пселла, Стилиана, могла ткать тонкие льняные и шелковые ткани, училась у своей матери вышиванию. Ее день был «разделен между занятиями и ткацким станком». Девочки из бедных семей носили воду из колодца для дома, помогали молотить зерна и ухаживали за младшими детьми.

Юноши в 14–15 лет обычно выполняли уже настоящую мужскую работу и, если в семье не было зрелого мужчины, то становились главной

опорой семьи. Византийский церковный деятель и богослов Апокавк гневно осуждал некоего молодого клирика, которого еще мальчиком митрополит взял у многодетной вдовы босым и нищим, взрастил и воспитал, а тот впоследствии оставил мать в нужде. Обиды, побои, лишения были участью мальчиков, отданных на выучку мастерам-ремесленникам в город: непосильный труд, к которому здесь принуждали детей, считался платой за учебу. Дети-нищие просили милостыню на папертях, принуждались к непосильному труду в эргастриях мастеров и торговцев, шныряли по рынкам под надзором взрослых ворюшек, а девочки-сироты стояли «на своих местах в зловонных переулках и на площадях» [14].

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Тема «дети и война» в античном мире мало исследована [49]. Войны гражданские и захватнические, восстания были неотъемлемой частью истории рассматриваемых цивилизаций. Дети, попавшие в орбиту войны и ставшие свидетелями или участниками драматических событий, всегда были самыми уязвимыми жертвами этих конфликтов. Они всегда острее, чем взрослые, воспринимают все происходящее на войне. Своеобразное отношение к войне выразил Платон в «Государстве». Он считал, что «надо брать с собой детей на войну — конечно, зрителями, на конях, и где безопасно, так и поближе; пусть они отведают крови, словно щенки». Известно, какой воинственной была Спарта, и вся жизнь спартиатов была пронизана военным духом с рождения.

У Гомера в «Илиаде» есть строки о страданиях младенцев во время войны:

«О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями
могилы
Казню ужасной казнит, принуждая все бедствия
видеть:
Видеть сынов убиваемых, дочерей в неволю
влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев
невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной
брани,
И невесток, влачимых руками свирепых данаев!...»
[7].

На античных вазах изображены сцены, связанные с войной: маленький трубач, идущий перед войском; момент убийства младенца Астианакса; Афина на росписи снимает шлем,

чтобы не пугать своего воспитанника Эрихтония; сын Гектора пугается отца, на котором надет военный шлем и др.

Дети на войне разделяли печальную судьбу взрослых. Так, при атаке племени вандалов на христиан в Северной Африке были убиты и мальчики — церковные чтецы [49].

На востоке Римской империи в поэме сирийского поэта Кириллоны (возможно, под этим именем писал Абсамия, племянник Ефрема Сирина) гимн 4 посвящен вторжению гуннов в Сирию. Он горько оплакивает разоренные деревни, убитых и угнанных в рабство жителей, и рассказывает об отце, потерявшем нескольких детей, угнанных в рабство. Он молится об остальных своих детях в ожидании второго нападения на их поселение — «не отдай агнцев сих в лапы леопардов, и не отдай овец волкам нечистым» [49].

В Византии продолжалась античная традиция, заключавшаяся в подготовке военачальниками аристократического класса своих сыновей к соответствующей военной карьере. Святитель Иоанн Златоуст в трактате «О тщеславии и о том, как должно родителям воспитывать детей» говорит, что отцы военные с раннего возраста обучают сыновей воинскому искусству [9]. В Византии, как правило, дети императоров-полководцев (Никифора II Фоки, Романа IV, Алексея I Комнина, Иоанна II и др.) проходили полный курс военных наук, читая стратегиконы и обучаясь владению оружием под присмотром особых наставников. Среди знатных юношей, занимавшихся воинскими упражнениями вместе с наследником престола, бывали и евнухи; некоторые из них становились впоследствии искусными полководцами, подобными Льву Никериту, участвовавшему в военных действиях против турок вплоть до конца царствования Алексея I Комнина [11]. Наследники к военной подготовке относились по-разному: «Характер воспитания и образ жизни наследника зависели от воли отца или определялись собственными склонностями будущего василевса. Сам наследник довольствовался нередко минимумом как образования, так и физических и воинских упражнений. Например, Лев VI и Константин VII предпочитали в отрочестве и юношестве занятия наукой тренировкам в ловкости, Василий II испытывал отвращение к книгам и был привержен воинским забавам, а Константин VIII не любил ни того, ни другого, он предавался развлечению» [14].

С середины XI и особенно в XII столетии провинциальные магнаты стали ценить превы-

ше всего физическую силу, выносливость, отличное владение мечом, копьем, луком, палицей, искусство верховой езды, знание стратегии и тактики, умение ладить с подчиненными и поддерживать железную дисциплину в войске. Большинство аристократов готовило своих сыновей к военной карьере и после начального курса обучения и ознакомления со стратегиконами не утруждало их изучением наук. Все чаще высказывалась мысль, что физическое и военное воспитание будущему василевсу (высшему полководцу империи) совершенно необходимо: он должен быть готов к суровым испытаниям, а неги и наслаждения делают человека с детства непригодным к ратным подвигам.

Воинские упражнения для юношей отнюдь не являлись безобидной забавой: объясняя мрачный аскетизм Никифора Фоки, военачальника, а затем и византийского императора в 963–969 гг. (не ел мяса, спал на полу, носил власяницу, молился ночами), хронист XI — начала XII вв. Иоанн Скилица сообщал, что полководец корил себя за недосмотр: его старший сын погиб от копья, попавшего в голову во время воинской игры с юным родственником. Знатные отроки порой уже в 14–15 лет участвовали в походах. Военные подвиги юноши Алексея Комнина возвели его на пост великого доместика, когда, по уверениям Анны, у него не было «и пуха на бороде». Юного Мануила Комнина, превосходного джигита, искусно владевшего луком, отец Иоанн II «выдрал однажды за безрассудную храбрость в бою с сельджуками» [14].

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Жертвоприношения в Древней Греции, совершавшиеся с целью почтить богов, умерить их гнев и снискать благосклонность, рассматривались как обязательные культовые действия, они могли быть общественными (в святилищах) и частными (семейными). В качестве жертвы приносилось животное: овца, свинья или бык. Богиней домашнего очага была Гестия, в культ которой вводился каждый новый член ойкоса — дети, женщины и рабы. Как уже упоминалось, введение в семью новорожденного проводилось в рамках амфидромии. Жертвоприношение детей в Древней Греции и Риме отсутствовало, такая практика расценивалась как совершенно неприемлемая. Но в сюжеты греческих трагедий, разыгрываемых на театральных подмостках, вплетались мифы о жертвоприношениях детей, имевшие окраску благородного патриотического самопожертво-

вания за народ и государство (например, Ифигения) [14, 40].

В языческом Риме существовало посвящение детей (девочек из знатных римских семей) на служение богине Весте, при этом девочка (весталка) навсегда изымалась из семьи и жила при храме в строгой дисциплине.

С появлением христианства возникает тема христианской мартирии, мученичества, и вовлеченность в него детей. В этом аспекте можно говорить о двух вариантах — дети-мученики и дети мучеников. Гонения на христиан затрагивали и детей. Их могли подвергать пытке и убивать вместе с их родителями или у них на глазах. Из жития священномученика Поликарпа (ок. 70–156), епископа Смирнского, узнаем, что когда его искали воины, то арестовали двух мальчиков-рабов христиан. Государственный деятель и писатель Плиний Младший (61–113) сообщает, что расследуя дело о христианах в Вифинии, он велел подвергнуть пытке двух юных девушек-рабынь. Раннехристианский апологет и писатель, странствующий проповедник Иустин мученик (II век) говорил, что римские власти, преследуя христиан, подвергают дознавательным пыткам и детей, и старух (2-я апология 12 4). Схожее свидетельство имеется и у одного из первых Отцов Церкви Иринея Лионского (ок. 130–202). Среди детей, чьи родители стали мучениками, бесспорно, самый яркий пример — богослов III века Ориген, чей отец принял смерть за Христа, когда его сыну было пятнадцать лет. Ориген поддерживал отца и даже сам хотел разделить его участь, но его мать предотвратила побег сына из дома, спрятав всю одежду. Другим примером являются грудные дети христианских мучениц Перпетуи и Фелицитаты, пострадавших в Карфагене в 203 г. Первый был забран у Перпетуи отцом, а ребенок рабыни Фелицитаты, рожденный ею в тюрьме, был воспитан христианами. Обычно сироты (дети христиан-мучеников) воспитывались чужими людьми [49].

Посвящение детей Богу было распространенной практикой в Византии. Самый ранний возраст для их пострижения в монахи первоначально был 16–17 лет, но в VII веке он был снижен до 10 лет (это использовалось в случае с сиротами или при уходе в монастырь всей семьи). Дети присутствовали в византийских монастырях, как мужских, так и женских. Многих из них приводили родители по обету в благодарность за их появление на свет по молитвам. Так, святая Феодора Солунская привела в монастырь шестилетнюю дочь Феописту в благодарность за то, что она дожила до этого возрас-

та, в то время как ее младшие дети умерли вскоре после рождения. Она считала это приношением Богу плодов своего брака [67]. В повествованиях о детстве святых это бытовое благочестие принимает крайние выражения (ночные молитвы, суровые посты, частые коленопреклонения, другие аскетические подвиги, но также и милосердие к нищим, последнее — частая деталь житий). В житии святителя Германа, патриарха Константинопольского (VIII в.), есть говорящая деталь: мать сначала одобряет стремление сына к постам, а потом начинает беспокоиться за его здоровье (он ел только слегка проваренные бобы с водой, солью и небольшим количеством хлеба и отказывался делить трапезу с остальными членами семьи). Как правило, такие дети не принимали участия в детских забавах и играх [67].

Другие дети принимались в монастырь, так как там уже жили их родственники, часто дядя или тетя. Но и брошенные и осиротевшие дети находили прибежище в монастырях. В житиях указывается на стремление святых детей к монашеской жизни, хотя, очевидно, что в описанных выше ситуациях дети не имели большого выбора. Важно, что гражданское право в Византии признавало за ребенком возможность принимать решение о постриге самостоятельно и запрещало родителями забирать детей из монастырей против их воли (123 новелла Юстиниана).

Взгляды на присутствие детей в монастырях колебались. Такой монашеский авторитет, как Никифор Блеммида (XIII век) считал, что к монашеской жизни детей надо приучать по возможности рано, так как их сердца невинны и чисты как свежие дощечки для письма, и принимал детей в свой монастырь с 10 лет, а постригал в послушники с 12 лет. Совершенно противоположных взглядов придерживались другие подвижники, считавшие, что через детей и подростков бесы могут искушать монахов [46]. Дети также были угрозой для дисциплины и покоя монастыря. В Харсианитском монастыре (Константинополь) не принимали мальчиков младше 16 лет из-за их «развязного поведения» [67].

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ОСНОВНЫМИ НУЖДАМИ РЕБЕНКА

Пренебрежение основными нуждами ребенка или моральная жестокость проявляется в нежелании или неспособности родителей или опекунов удовлетворять основные нужды ребенка, необходимые для его всестороннего развития [10].

В античных государствах тщательность ухода за детьми, содержание их в чистоте, регулярное кормление, воспитание зависели от экономического состояния семьи, от отношения родителей к ребенку и от того, какое место занимал ребенок в семье: был ли это первенец, который считался наследником, или второй и третий, была ли это девочка или мальчик.

Отлучение от груди было особенно опасным периодом в жизни ребенка по причине перехода на новую, менее питательную пищу, и из-за угрозы инфекционной контаминации. Есть некоторые текстовые свидетельства об использовании стеклянных бутылочек для питания детей. Античные врачи рекомендовали вводить твердый прикорм в возрасте около 6 мес., вероятно, в виде (овсяной) каши, хлеба, размягченного с молоком и медом, или яйца всмятку (как рекомендует Соран) [20]. Переход на диету, в которой были зерновые, козье молоко и мед, часто приводил к пищевым дефицитам железа и фолатов, что могло вызывать анемию. Это подтверждается исследованиями биоархеологов: по их данным большинство умерших детей страдали от анемии и недоедания, что делало их более подверженными болезням. Мед также мог быть причиной ботулизма у младших детей. С раннего детства дети питались за общим столом, их питание ничем существенно не отличалось от питания взрослых членов семьи.

Особое небрежение в уходе испытывали дети-сироты. Вот строки из «Илиады» Гомера, описывающие будущее сироты Астианакса:

«Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не
будешь
В жизни отрадою, Гектор, — ты пал! — ни тебе
он не будет!
Ежели он и спасется в погибельной брани
ахейской,
Труд непрерывный его, бесконечное горе в
грядущем
Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские
нивы.
С днем сиротства сирота и товарищей детства
теряет;
Бродит один с головою пониклой, с заплаканным
взором.
В нүжде приходит ли он к отцовым друзьям и,
просящий,
То одного, то другого смиренно касается ризы, —
Сжалась, иной сиротливому чару едва наклоняет,
Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
Чаще ж его от трапезы счастливцев семейственный
гонит,

И толкая рукой, и обидной преследуя речью:
— Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует
с друзьями! —
Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя
возвратится...» [7].

Самым ярким и хорошо задокументированным примером отношения к нелюбимому и больному ребенку в Риме может служить история римского императора Клавдия, сына римского военачальника Друза Старшего и Антонии, дочери консула Марка Антония. Клавдий был младшим ребенком в семье, родился слабым и болезненным. После смерти отца он жил и воспитывался под надзором Антонии, которая не любила его и отзывалась о нем весьма нелестно, говоря, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, а желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия» [24]. Светоний писал о нем, что тот «в течение всего детства и юности страдал долгими и затяжными болезнями, от которых так ослабел умом и телом, что в совершенных годах считался неспособным ни к каким общественным или частным делам. Даже после того, как он вышел из-под опеки, он еще долго оставался в чужой власти и под присмотром дядьки: и он потом жаловался в одной своей книге, что дядькой к нему нарочно приставили варвара, бывшего конюшего, чтобы он его жестоко наказывал по любому поводу. Из-за того же нездоровья он и на гладиаторских играх, которые давал вместе с братом в память отца, сидел на распорядительском месте в шапке³, чего никогда не водилось, и в день совершеннолетия был доставлен на Капитолий в носилках, среди ночи, и без всякой обычной торжественности. Правда, в благородных науках он с юных лет обнаруживал незаурядное усердие и не раз даже издавал свои опыты в той или иной области; но и этим не мог он ни добиться уважения, ни внушить надежды на лучшее свое будущее». Бабка его, Августа, всегда относилась к нему с глубочайшим презрением, говорила с ним очень редко и даже замечания ему делала или в записках, коротких и резких, или через рабов. Так же относился к нему его дядя. Сестра его Ливилла, услышав, что ему суждено быть императором, громко и при всех проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа.

³ Шапку («palliolum», род чепца, защищавшего уши и горло от простуды) носили только во время болезни, в других случаях этот наряд считался неуместным и смешным.

Когда он уже был юношей, и если «опаздывал на обед к назначенному часу, то он находил себе место не сразу, да и то разве обойдя всю палату. А когда, наевшись, начинал дремать (это с ним бывало частенько), то шуты бросали в него косточками фиников или маслин, а иной раз, словно в шутку, будили хлыстом или прутьями; любили они также, пока он храпел, надевать ему на руки сандалии, чтобы он, внезапно разбуженный, тер себе ими лицо» [24].

Примеры небрежения можно найти и в Византии. Так, в рассказе о мученичестве св. Феодора Тирона, написанном в конце VII или в VIII веке, упоминается, что мать Феодора умерла родами. Его отец не мог найти кормилицу-христианку и в отчаянии стал кормить новорожденного сына отваренной смесью из пшеницы и ячменя, смешанной с медом, налив его в стеклянный сосуд, подобный женской груди, который ребенок держал во рту и сосал. Имеется подтверждение этому свидетельству: найденные несколько стеклянных сосудов из Римской Галлии считаются, вероятно, детскими рожками. Сомнительно, что новорожденный мог бы выжить на диете, описанной в житии, но бутылочки могли быть использованы для козьего молока или грудного женского молока после сцеживания. В житии далее говорится, что после того, как у ребенка появились зубы, отец кормил его хлебом, вымоченным в воде, нежными фруктами и самыми питательными овощами [67].

Неизвестный автор хроники, описывая голод и эпидемию в Сирии, в районе города Эдесса в 499–500 гг., пишет, что матери бросали своих детей на произвол судьбы, так как терзались от того, что когда дети просили у них есть, не могли им дать пищи. Они бродили по городу, от голода пытаясь употребить в пищу гальку или листья растений, покрытые грязью [60].

Заключая, надо отметить, что в настоящее время большое внимание уделяется междисциплинарным исследованиям детства в различные эпохи. В частности, отношению к ребенку, его положению в обществе, защите от жестокого обращения, организации помощи детям. На основании изучения и сопоставления различных источников, в том числе исследований останков из захоронений младенцев с помощью новых археологических методов, господствовавшие на протяжении многих десятилетий представления о детстве в период античности как мрачном периоде в жизни человека, характеризующемся отсутствием всякого признания, подвергаются пересмотру. Утвержда-

ется взгляд, что детство в античном и средневековом обществе воспринималось как особый период, а отношение к ребенку в рамках семьи — как более эмоциональное. С одной стороны, дети были желанными, их любили и заботились о них, даже о тех, кто родился «слабым», с физическими или психическими дефектами, и горевали, когда они болели или умирали (смертность младенческая и детская достигала высоких значений). С другой стороны, существовала древняя практика отказа от новорожденного, основанная на решении отца, обладающего сильной властью над жизнью и смертью своих детей. Решение это принималось в течение первой недели жизни ребенка, до ритуалов амфидромии и декаты, которые происходили через пять или десять дней в Греции, и через восемь или девять дней в Риме («*dies lustricus*»), считавшихся границей официального принятия ребенка семьей. Хотя отказ от ребенка по разным причинам (незаконнорожденность или физические отклонения, экономические, женский пол и др.) и оставление его на произвол судьбы в большинстве случаев приводили к смерти ребенка или его порабощению, независимо от статуса при рождении, для греков и римлян оставление было альтернативой детоубийству: они свято верили, что ребенок останется жив и его судьба устроится. Античные философы и моралисты относили детей в группу несовершенных людей, наряду с женщинами, рабами и неразумными животными, поэтому считалось, что их необходимо формировать, должна применяться строгость при их воспитании и контроль над ними со стороны взрослых, чтобы развить качества, которые делают их полноценными независимыми гражданами. Отношение к детям и системы их воспитания в Древней Греции — Афинах и Спарте, Древнем Риме и Византии значительно различались, что определялось социокультурными, экономическими и религиозными факторами, в том числе традициями и ритуалами, связанными с определенными периодами жизни людей. Помимо этого в античных странах дети разного возраста подвергались различным формам насилия: физические наказания, сексуальное насилие, тяжелый труд, участие в военных конфликтах, пренебрежение нуждами ребенка. В поздней античности императорами принимались меры по предотвращению оставления детей и поощрению их спасения, хотя трудно представить степень влияния этих указов. Ранние христианские писатели также стремились свести к минимуму оставление детей, приравнявая его к убийству, а также порабощение детей.

Приход христианства как государственной религии в Византии изменили правовой дискурс отношения к ребенку, взгляды на воспитание и образование детей. Если римляне сосредоточивали свое внимание на статусе оставленных детей и праве определять его, то христиане были озабочены смертью подкидышей, их судьбой как рабов или проституток и ответственностью родителей за отказ от ребенка. Строгое аскетичное воспитание было эталоном, больше внимания уделялось нравственному поведению детей. В предписаниях родителям, учителям и воспитателям подчеркивалась необходимость использования физической силы как средства формирования христианина, по всем аспектам были сформулированы требования, основанные на христианских догматах. С целью сохранения жизни детей получили развитие организованные формы воспитания детей-сирот и подкидышей в приютах при церквях и монастырях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. История животных. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т; 1996.
2. Аристотель. О возникновении животных. Л.: Академия наук СССР; 1940.
3. Аристофан. Комедии. М.: Гослитиздат; 1954.
4. Блаженный Августин. Исповедь. СПб.: Наука; 2013.
5. Гай Музоний Руф. Фрагменты. М.: ИФРАН; 2016.
6. Джарман О.А., Микиртичан Г.Л. Судьба детей подкидышей в античном мире. Медицина и организация здравоохранения. 2018; 1: 49–59.
7. Гомер. Илиада. СПб.: Наука; 2008.
8. Демосфен. Против Неэры. Симпозиум Συμπόσιον. Сайт об античной литературе, античной истории и людях античности. Доступен по: <http://www.symposium.ru/ru/node/792> (дата обращения 17.01.21)
9. Иоанн Златоуст. О тщеславии и о том, как должно родителям воспитывать детей. В кн.: Антология педагогической мысли христианского средневековья: пособие для учащихся педагогических колледжей и студентов вузов. В 2 т. М.: Аспект Пресс. 1994; 1: 171–97.
10. Исаев Д.Н. Детская медицинская психология. Психологическая педиатрия. СПб.: Речь; 2004.
11. Каждан А. П. Состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. Анкета и частные выводы. Евнухи. В кн. Античная древность и средние века. Свердловск. 1973; VI(10): 184–94.
12. Клёнышева Н.Д. Рождение ребенка в римской семье: боги и ритуалы. Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2010; 33: 260–74.
13. Ксенофонт. Полития лакедемонян. Саратов: Научная книга; 2005.
14. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М.: Наука; 1974.
15. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. М.: Просвещение; 2010.
16. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина; 1998.
17. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. СПб.: КОМПЛЕКТ; 1994.
18. Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы. М.: Искусство; 1984.
19. Микиртичан Г.Л. Отношение к детям, их праву на жизнь и развитие в России (X-начало XVIII века). Педиатр. 2014; 5 (1): 126–31. DOI:10.17816/PED51126-131
20. Микиртичан Г.Л., Джарман О.А. Соран Эфесский — первый античный перинатолог и педиатр. Педиатр. 2018; 9 (6): 119–28.
21. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука; 1994.
22. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Летний сад; 1999.
23. Постман Н. Исчезновение детства. Отечественные записки. 2004; 3 (18). На ресурсе «Журнальный Зал». Доступен по: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/3/ischeznovenie-detstva.html> (дата обращения 18.01.2021).
24. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука; 1993.
25. Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. Журнал «Нева». СПб.: Летний Сад; 2000.
26. Утков П.Ю. Вопросы виктимности младших школьников в истории педагогической психологии. Интернет-журнал «Мир науки». 2017; 5 (1). Доступен по: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN117.pdf> (дата обращения 18.01.2021).
27. Bloomer W.M. A Companion to Ancient Education. Oxford: Wiley Blackwell; 2015.
28. Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. Chicago: The University of Chicago Press; 1988.
29. Carroll M. Infant Death and Burial in Roman Italy. Journal of Roman Archaeology. 2011; 24: 99–120.
30. Carroll M. Infancy and Earliest Childhood in the Roman World: 'A Fragment of Time'. Oxford: Oxford University Press; 2018.
31. Dasen V. Childbirth and Infancy in Greek and Roman Antiquity. In: Rawson B.(ed.) A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Oxford: Wiley Blackwell; 2011: 291–314.
32. Dasen V. Saltimbanques et circulation de jeux. Archéologie et histoire ancienne. 2019; 6: 127–43.
33. Dillon M.P.J. Engendering the scroll: girls' and women's literacy in Classical Greece. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013: 396–417.
34. Dixon S. The Roman Mother. London-Sydney: Croom Helm; 1988.

35. Dover K.L. Greek Homosexuality. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 1978.
36. Ducat J. Spartan education: Youth and Society in the Classical Period. Swansea: Classical Press of Wales; 2006.
37. Evans Grubbs J. Church, State, and Children: Christian and Imperial Attitudes Toward Infant Exposure in Late Antiquity. In: Cain A., Lenski N.E. The Power of Religion in Late Antiquity. Ashgate: Ashgate Publishing; 2009: 120–21.
38. Evans Grubbs J. Infant exposure and infanticide. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013: 83–107.
39. Frier B.W. Demography. In: Bowman A.K., Garnsey P., Rathbone D., eds. The Cambridge Ancient History. Vol. 11: The High Empire, A.D. 70–192. Cambridge: Cambridge University Press; 2000: 787–816.
40. Garland R. Children in Athenian religion. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013: 207–26.
41. Golden M. Did the Ancients Care When Their Children Died? Greece and Rome. 1988; 35(2): 152–63.
42. Golden M. Children and childhood in Classical Athens. Baltimore and London: The John Hopkins University Press; 1993.
43. Gourevitch D. The sick child in his family: a risk for the family tradition. In: Dasen V., Späth T. Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture. Oxford: Oxford University Press; 2010: 273–92.
44. Gowland R., Chamberlain A., Redfern R. On the Brink of Being: Re-evaluating Infanticide and Infant Burial in Roman Britain. Available at: <http://dro.dur.ac.uk/19299/1/19299.pdf?DDD6+drk0rg> (accessed 24.06.2020).
45. Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion. Oxford and New York: Oxford University Press; 2002.
46. Greenfield R. Children in Byzantine Monasteries. Innocent hearts or vessels in the harbor of the devil? In: Papaconstantinou A., Talbot A.-M. Becoming Byzantine. Children and Childhood in Byzantium. Washington D.C.: Harvard University Press; 2009: 253–82.
47. Guillemot-Treffaiguy V. La protection de l'enfant contre ses parents: (1804–1958). Thèse présentée pour obtenir le grade de docteur de L'Université de Bordeaux. École doctorale de droit (ed41) spécialité histoire du droit. Available at: <http://www.theses.fr/2017BORD0763/abes> (accessed 25.06.2020).
48. Henriksen Ch. Earinus: An Imperial Eunuch in the Light of the Poems of Martial and Statius. Mnemosyne. 1997; 50: 281–94.
49. Horn C.B., Martens J. W. Let the Little Children Come to Me: Childhood and Children in Early Christianity. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press; 2009.
50. Kennel M.N. Boys, girls, family, and the state at Sparta. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013: 281–395.
51. Köves-Zulauf T. Römische Geburtsriten. Munich: Beck; 1990.
52. Krause J-U. Children in the Roman Family and Beyond. In: Peachin M., ed. Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World. Children in the Roman Family and Beyond. Oxford : Oxford University Press; 2014: 629–33.
53. Laes Ch. Childbeating in Antiquity: some reconsiderations. In: ed. Mustakallio K., Hanska J., Sainio H.-L., Vuolanto V. Hoping for Continuity. Childhood, education and death in Antiquity and the Middle Ages. Rome: Institutum Romanum Finlandiae; 2005: 75–90.
54. Laes Ch. Delicia-Children Revisited. The Evidence of Statius' Silvae. In: Dasen V, Spath Th. Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture. Oxford: Oxford University Press; 2011.
55. Lascaratos J., Poulakou-Rebelakou E. Child sexual abuse: historical cases in the Byzantine Empire (324–1453 A.D.). Child Abuse & Neglect. 2000; 24 (8): 1085–90.
56. Mason P. Thomas Jr. Child Abuse and Neglect. Part I. Historical Overview, Legal Matrix, and Social Perspectives. North Carolina Law Review. 1972; 50: 293–349.
57. Millett M., Gowland R. Infant and Child Burial Rites in Roman Britain: a Study from East Yorkshire. Cambridge University Press. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/britannia/article/infant-and-child-burial-rites-in-roman-britain-a-study-from-east-yorkshire/1C9DEC59492051F0999405E4D7BB7FD7> (accessed 17.01.21)
58. Monnickendam Yifat. The Exposed Child: Transplanting Roman Law into Late Antique Jewish and Christian Legal Discourse. American Journal of Legal History. 2019; 59 (1): 1–30.
59. Neraudau J.-P. Etre enfant a Rome. Paris: Les belles lettres; 2008.
60. Nutton V. Ancient Medicine. NY.: Routledge; 2013.
61. Prinzig G. Observation on the legal status of children and the stages of childhood in Byzantium. In: Papaconstantinou A., Talbot A.-M. Becoming Byzantine. Children and Childhood in Byzantium. Washington D.C.: Harvard University Press; 2009: 27–8.
62. Rawson B. Children and childhood in Roman Italy. Oxford: Oxford University Press; 2003.
63. Ringrose K.M. The Perfect Servant: Eunuchs and the Social Construction of Gender in Byzantium. Chicago: The University of Chicago Press; 2003.
64. Saller R. P. Pietas and patria potestas: obligation and power in the Roman household. In: Saller R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. Cambridge: Cambridge University Press; 1994: 102–32.
65. Sivan H. Pictorial Paideia: Children in the synagogue. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013: 532–58.

66. Sneed D. The Life Cycle of Disability in Ancient Greece. Los Angeles: University of California; 2018.
67. Talbot A.-M. Childhood in middle and late Byzantium (ninth to fifteenth centuries). In: Aasgard R., Horn C. Childhood in history: Perceptions of Children in Antients and Medieval Worlds. Routledge; 2017: 387–413.
68. Tuor-Kurth Ch. Kindesaussetzung und Moral in der Antike: jüdische und christliche Kritik am Nichtaufziehen und Töten neugeborener Kinder. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2011.
69. Winniczuk L. Ludzie, zwyczaje, obyczaje starożytnej Grecji i Rzymu. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1983.

REFERENCES

1. Aristotel'. Istoriya zhivotnykh. [Animal History]. Moscow: Rossiysk. gos. gumanit. un-t; 1996. (in Russian).
2. Aristotel'. O vznikenii zhivotnykh. [About the origin of animals]. Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ.; 1940. (in Russian).
3. Aristofan. Komedii. [Comedies]. Moscow: Goslitizdat Publ.; 1954. (in Russian).
4. Blazhennyy Avgustin. Ispoved'. [Confession]. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2013. (in Russian).
5. Gay Muzoniy Ruf. Fragmenty. [Fragments]. Moscow: IFRAN Publ.; 2016. (in Russian).
6. Dzharman O.A., Mikirtichan G.L. Sud'ba detey podkidyshey v antichnom mire. [The fate of abandoned children in the Greco-Roman world]. Medicine and health care organization. 2018; 1: 49–59. (in Russian).
7. Gomer. Iliada. [The Iliad]. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2008. (in Russian).
8. Demosfen. Protiv Neery. [Against Neera]. Simposiy Συμπόσιον sayt ob antichnoy literature, antichnoy istorii i lyudyakh antichnosti. Available at: <http://www.simposium.ru/ru/node/792> (accessed 17.01.2021). (in Russian).
9. Ioann Zlatoust. O tshcheslavii i o tom, kak dolzhno roditelyam vospityvat' detey. [About vanity and how parents should raise their children]. In: Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo srednevekov'ya: posobie dlya uchashchikhsya pedagogicheskikh kolledzhey i studentov VUZov. In 2 t. Moscow: Aspekt Press Publ. 1994; 1: 171–97. (in Russian).
10. Isaev D.N. Detskaya meditsinskaya psikhologiya. Psikhologicheskaya pediatriya. [Children's medical Psychology. Psychological Pediatrics]. St. Petersburg: Rech' Publ.; 2004. (in Russian).
11. Kazhdan A. P. Sostav gosподstvuyushchego klassa v Vizantii XI–XII vv. Anketa i chastnye vyvody. Ch. VI. Evnukhi. [The composition of the ruling class in Byzantium in the XI–XII centuries. Questionnaire and private conclusions. Part VI. Eunuchs]. In: Antichnaya drevnost' i srednie veka. Sverdlovsk. 1973; VI(10): 184–94. (in Russian).
12. Klenysheva N.D. Rozhdenie rebenka v rimskoy sem'e: bogi i ritualy. [The birth of a child in a Roman family: gods and rituals]. Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii. 2010; 33: 260–74. (in Russian).
13. Ksenofont. Politiya lakedemonyan. [Polity of the Lacedaemonians]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ.; 2005. (in Russian).
14. Litavrin G.G. Kak zhili vizantiytsy. [How the Byzantines lived]. Moscow: Nauka Publ.; 1974. (in Russian).
15. Malofeev N.N. Spetsial'noe obrazovanie v menyayushchemsya mire. [Special education in a changing world]. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 2010. (in Russian).
16. Marru A.-I. Istoriya vospitaniya v antichnosti (Gretsiya). [The history of education in Antiquity (Greece)]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina; 1998. (in Russian).
17. Martsial Mark Valeriy. Epigrammy. [Epigrams]. St. Petersburg: KOMPLEKT Publ.; 1994. (in Russian).
18. Menandr. Komedii. Gerod. Mimiamby. [Comedies. The temple of Athena Nike. Mymiami]. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1984. (in Russian).
19. Mikirtichan G.L. Otnoshenie k detyam, ikh pravu na zhizn' i razvitie v Rossii (X-nachalo XVIII veka). [Attitude towards children, their right to life and development in Russia (X-early XVIII centuries)]. Pediatrician. 2014; 5 (1): 126–31. DOI:10.17816/PED51126-131 (in Russian).
20. Mikirtichan G.L., Dzharman O.A. Soran Efesskiy — pervyy antichnyy perinatolog i pediater. [Soranus of Ephesus — the first ancient perinatologist and pediatrician]. Pediatr. 2018; 9 (6): 119–28. (in Russian).
21. Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya. [Comparative Biographies]. Moscow: Nauka Publ.; 1994. (in Russian).
22. Pokrovskiy I. A. Istoriya rimskogo prava. [History of Roman Law]. St. Petersburg: Letniy sad Publ.; 1999. (in Russian).
23. Postman N. Ischeznovenie detstva. Otechestvennye zapiski. 2004; 3 (18). Na resurse «Zhurnal'nyy Zal». [The disappearance of childhood]. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/3/ischeznovenie-detstva.html> (accessed 18.01.2021). (in Russian).
24. Svetoniy Trankvill Gay. Zhizn' dvenadsati tsezarey. [The Lives of the Twelve Caesars]. Moscow: Nauka Publ.; 1993. (in Russian).
25. Sergeenko M.E. Zhizn' drevnego Rima. [The Life of Ancient Rome]. Zhurnal «Neva». St. Petersburg: Letniy Sad Publ.; 2000. (in Russian).
26. Utkov P.Yu. Voprosy viktimnosti mladshikh shkol'nikov v istorii pedagogicheskoy psikhologii. [Questions of Victimization of primary school children in the history of pedagogical psychology]. Internet-zhurnal «Mir nauki». 2017; 5 (1). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN117.pdf> (accessed 18.01.2021). (in Russian).
27. Bloomer W.M. A Companion to Ancient Education. Oxford: Wiley Blackwell; 2015.

28. Boswell J. *The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance*. Chicago: The University of Chicago Press; 1988.
29. Carroll M. *Infant Death and Burial in Roman Italy*. *Journal of Roman Archaeology*. 2011; 24: 99–120.
30. Carroll M. *Infancy and Earliest Childhood in the Roman World: 'A Fragment of Time'*. Oxford: Oxford University Press; 2018.
31. Dasen V. *Childbirth and Infancy in Greek and Roman Antiquity*. In: Rawson B.(ed.) *A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds*. Oxford: Wiley Blackwell; 2011: 291–314.
32. Dasen V. *Salimbanques et circulation de jeux*. *Archéologie et histoire ancienne*. 2019; 6: 127–43.
33. Dillon M.P.J. *Engendering the scroll: girls' and women's literacy in Classical Greece*. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press; 2013: 396–417.
34. Dixon S. *The Roman Mother*. London-Sydney: Croom Helm; 1988.
35. Dover K.L. *Greek Homosexuality*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 1978.
36. Ducat J. *Spartan education: Youth and Society in the Classical Period*. Swansea: Classical Press of Wales; 2006.
37. Evans Grubbs J. *Church, State, and Children: Christian and Imperial Attitudes Toward Infant Exposure in Late Antiquity*. In: Cain A., Lenski N.E. *The Power of Religion in Late Antiquity*. Ashgate: Ashgate Publishing; 2009: 120–21.
38. Evans Grubbs J. *Infant exposure and infanticide*. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press; 2013: 83–107.
39. Frier B.W. *Demography*. In: Bowman A.K., Garnsey P., Rathbone D., eds. *The Cambridge Ancient History*. Vol. 11: *The High Empire, A.D. 70–192*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000: 787–816.
40. Garland R. *Children in Athenian religion*. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press; 2013: 207–26.
41. Golden M. *Did the Ancients Care When Their Children Died? Greece and Rome*. 1988; 35(2): 152–63.
42. Golden M. *Children and childhood in Classical Athens*. Baltimore and London: The John Hopkins University Press; 1993.
43. Gourevitch D. *The sick child in his family: a risk for the family tradition*. In: Dasen V., Späth T. *Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture*. Oxford: Oxford University Press; 2010: 273–92.
44. Gowland R., Chamberlain A., Redfern R. *On the Brink of Being: Re-evaluating Infanticide and Infant Burial in Roman Britain*. Available at: <http://dro.dur.ac.uk/19299/1/19299.pdf?DDD6+drk0rg> (accessed 24.06.2020).
45. Gradel I. *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford and New York: Oxford University Press; 2002.
46. Greenfield R. *Children in Byzantine Monasteries. Innocent hearts or vessels in the harbor of the devil?* In: Papaconstantinou A., Talbot A.-M. *Becoming Byzantine. Children and Childhood in Byzantium*. Washington D.C.: Harvard University Press; 2009: 253–82.
47. Guillemot-Treffaiguy V. *La protection de l'enfant contre ses parents: (1804–1958). Thèse présentée pour obtenir le grade de docteur de L'Université de Bordeaux. École doctorale de droit (ed41) spécialité histoire du droit*. Available at: <http://www.theses.fr/2017BORD0763/abes> (accessed 25.06.2020).
48. Henriksen Ch. *Earinus: An Imperial Eunuch in the Light of the Poems of Martial and Statius*. *Mnemosyne*. 1997; 50: 281–94.
49. Horn C.B., Martens J. W. *Let the Little Children Come to Me: Childhood and Children in Early Christianity*. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press; 2009.
50. Kennel M.N. *Boys, girls, family, and the state at Sparta*. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press; 2013: 281–395.
51. Köves-Zulauf T. *Römische Geburtsriten*. Munich: Beck; 1990.
52. Krause J-U. *Children in the Roman Family and Beyond*. In: Peachin M., ed. *Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World. Children in the Roman Family and Beyond*. Oxford : Oxford University Press; 2014: 629–33.
53. Laes Ch. *Childbeating in Antiquity: some reconsiderations*. In: ed. Mustakallio K., Hanska J., Sainio H.-L., Vuolanto V. *Hoping for Continuity. Childhood, education and death in Antiquity and the Middle Ages*. Rome: Institutum Romanum Finlandiae; 2005: 75–90.
54. Laes Ch. *Delicia-Children Revisited. The Evidence of Statius' Silvae*. In: Dasen V, Spath Th. *Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture*. Oxford: Oxford University Press; 2011.
55. Lascaratos J., Poulakou-Rebelakou E. *Child sexual abuse: historical cases in the Byzantine Empire (324–1453 A.D.)*. *Child Abuse & Neglect*. 2000; 24 (8): 1085–90.
56. Mason P. Thomas Jr. *Child Abuse and Neglect. Part I. Historical Overview, Legal Matrix, and Social Perspectives*. *North Carolina Law Review*. 1972; 50: 293–349.
57. Millett M., Gowland R. *Infant and Child Burial Rites in Roman Britain: a Study from East Yorkshire*. Cambridge University Press. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/britannia/article/infant-and-child-burial-rites-in-roman-britain-a-study-from-east-yorkshire/1C9DEC59492051F0999405E4D7BB7FD7> (accessed 17.01.21)
58. Monnickendam Yifat. *The Exposed Child: Transplanting Roman Law into Late Antique Jewish and Christian Legal Discourse*. *American Journal of Legal History*. 2019; 59 (1): 1–30.

59. Neraudau J.-P. *Etre enfant a Rome*. Paris: Les belles lettres; 2008.
60. Nutton V. *Ancient Medicine*. NY.: Routledge; 2013.
61. Prinz G. Observation on the legal status of children and the stages of childhood in Byzantium. In: Papaconstantinou A., Talbot A.-M. *Becoming Byzantine. Children and Childhood in Byzantium*. Washington D.C.: Harvard University Press; 2009: 27–8.
62. Rawson B. *Children and childhood in Roman Italy*. Oxford: Oxford University Press; 2003.
63. Ringrose K.M. *The Perfect Servant: Eunuchs and the Social Construction of Gender in Byzantium*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003.
64. Saller R.P. *Pietas and patria potestas: obligation and power in the Roman household*. In: Saller R.P. *Patriarchy, Property and Death in the Roman Family*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994: 102–32.
65. Sivan H. *Pictorial Paideia: Children in the synagogue*. In: Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press; 2013: 532–58.
66. Sneed D. *The Life Cycle of Disability in Ancient Greece*. Los Angeles: University of California; 2018.
67. Talbot A.-M. *Childhood in middle and late Byzantium (ninth to fifteenth centuries)*. In: Aasgard R., Horn C. *Childhood in history: Perceptions of Children in Antients and Medieval Worlds*. Routledge; 2017: 387–413.
68. Tuor-Kurth Ch. *Kindesaussetzung und Moral in der Antike: jüdische und christliche Kritik am Nichtaufziehen und Töten neugeborener Kinder*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2011.
69. Winniczuk L. *Ludzie, zwyczaje, obyczaje starożytnej Grecji i Rzymu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1983.